

Александр Грязев
Калифорнийская славянка
(Исторический роман)

Предисловие

В начале девятнадцатого века на Тихоокеанском побережье России и на аляскинских берегах Америки действовала торгово-промышленная Российско-Американская компания. С того самого времени в обиход прочно вошло понятие «Русская Америка».

Вот о нескольких годах освоения американских берегов и продвижения русских людей до Калифорнии, где в 1812 году была основана русская крепость Росс для снабжения продовольствием поселений промышленных людей Российско-Американской компании на Аляске и написан этот исторический роман.

Главным правителем российских владений в Америке А. А. Барановым строительство форта Росс было поручено его помощнику И. А. Кускову, уроженцу города Тотьмы Вологодской губернии.

Русская крепость была построена на океанском берегу, на земле, не принадлежащей ни одному из государств, а купленной у калифорнийских индейцев недалеко от устья реки названием Славянка. Всё лето 1812 года русские и алеуты рубили крепостные стены и дома новой своей оседлости, а 30 августа на высокой мачте был поднят флаг Российско-Американской компании.

Следует заметить, что в инструкции, данной А. Барановым И. Кускову, предписывалось «строго воспретить и взыскивать малейшие противу туземных обитателей... дерзости и обиды, а стараться всячески, как вам самим, так и всем подчиненным снискать дружбу и любовь и не страхом преимущества в огнестрельных орудиях состоящего, какового не имеют народы, но разными благословенными от человеколюбия производимыми приманками вежливости, а иногда и соразмерными подарками... Воспретя также строго ни малейшей бездельной никому даром не брать от них вещи даже из кормовых припасов ни куска, а платить за всё потоплику нашими, какие им приятны будут товарами и безделушками»...

Предписывалось также отбирать из числа индейцев мальчиков и учить их русскому языку, чтобы они могли служить толмачами, изучать обычаи местных жителей и составлять словарь их языка.

Таким образом, освоение русскими людьми американского побережья шло не огнём и мечём, а любовным согласием на основе взаимной выгоды.

Среди героев романа — русская девушка Алёна — дочь морехода. Драматические отношения этой юной славянки с любимым человеком, с индейцами Калифорнии, её жизнь, полная приключений, дают понять второй смысл названия. Роман «Калифорнийская Славянка» может стать увлекательным и полезным чтением о жизни первых наших землепроходцев на островах и берегах Русской Америки.

Ныне крепость Росс является музеем-заповедником штата Калифорния. В городе Сан-Франциско действует Общество друзей форта Росс, а по калифорнийской земле всё также течёт Славянка. Только теперь она называется Русская река.

Часть I

Глава первая

Вайнака, вождь племени макома, медленно шёл по тропинке, вытопанной за долгое время его босоногими соплеменниками и выющейся вдоль речного берега до самого устья родной реки, где она встречалась с океаном.

Вайнака был уже стар, потому шагал неторопливо, положив руку на плечо своего поводыря — маленького Вука, который во всём помогал вождю с тех пор, как тот почувствовал, что бывшие силы стали покидать его.

Вскоре они пришли на высокий океанский берег. В этом месте он обрывом спускался к широкой отмели. Слышно было и видно, как там внизу на песчаную отмель то и дело с шумным плеском накатывались морские волны. Прямо перед ними предстал необозримый простор Большой Воды, а в самой его дали, там, где синее небо соединялось с нею, казалось, что океан поднимался на одну высоту с берегом, где стояли индейцы. Океан был сейчас спокоен. Вайнака и Вук молча смотрели на открывшуюся перед ними водную ширь, а потом присели на мягкую траву у самого обрыва.

Вождю нравилось приходить сюда и он часто это делал, когда племя кочевало вблизи долины реки. Тут же под обрывом находилась священная пещера племени, где он со своими старейшинами и шаманом молились богу океана перед началом или завершением любого важного дела в жизни племени. Войти в пещеру можно было только со стороны песчаной отмели, а спуститься туда удастся лишь по пологому склону, пройдя ещё немного влево морским берегом.

Но Вайнака пришёл сюда совсем не для того, чтобы побывать в священной пещере. Ему казалось, что в жизни его приходит время, когда что-то самое дорогое он видит в последний раз, хотя никому из людей его племени не дано знать, что так и есть на самом деле. Вайнака с благоговением и страхом относился к Большой Воде. Океан был широк, могуч, грозен и таинственен. Точно так же, как звёздное небо ночью.

Вождь перевёл взгляд на устье реки. Всякий раз, глядя на это место, он вспоминал о том дивном случае в жизни племени макома, какой произошёл здесь много-много времени назад. А сам Вайнака был в таком же возрасте, что и маленький Вук, сидевший сейчас рядом с ним...

...В тот ясный и далёкий теперь уже день в селение племени прибежали мужчины, ловившие рыбу недалеко от устья и сказали, что в реку из океана приплыл огромный остров с высокими деревьями и большими белыми листьями на них. Это было так необычно, что почти все люди макома во главе с вождём побежали смотреть на явившееся в их реку чудо.

То, что они увидели и впрямь походило на остров, но не на земляной, с травой и деревьями, как на их реке. Был он весь из дерева, похожий на огромную лодку, со свежим полуденным ветром зашедшую в реку, подальше от бурных океанских волн. Люди племени макома наблюдали за этой необычной лодкой издалека, но не решались подходить близко. Они видели, как с лодки сходили на берег необычные же люди в белых одеждах. Такими же были их лица и волосы. Ничего подобного макома никогда не видели.

Они считали себя мирными людьми, а пришельцы тоже не проявляли никакой воинственности. Даже, наоборот, старались добрыми знаками расположить к себе индейцев. И это им удалось: макома подружились с белыми людьми. Стали помогать им добывать пропитание: охотились на зайцев и оленей, ловили рыбу. Белые же люди отвечали

индейцам многими и разными подарками.

Долго или нет потрепанный морским ураганом корабль-остров белых людей стоял у речного берега, Вайнака не помнил, но видел, как в одно солнечное утро свежий ветер подул с берега в океан, наполнил белые паруса-листья и корабль ушёл в неведомую океанскую даль, оставив по себе добрую память и нужные в жизни людей макома дары: топоры, ножи, гвозди, котлы, мисы. Во многих семьях племени даже сейчас теми дарами пользуются.

Речную же долину с тех самых дней зовут макома Долиною Белых Людей и считают тех пришельцев посланцами богов...

... Много позже, когда Вайнака стал уже воином своего племени, на эти земли и берега пришли другие бледнолицые люди, но они были совсем не похожи на тех давних белых. С первых же дней они стали охотиться на макома и людей других племён, как на зверей, даже убивать их. Новым пришельцам нужны были работники на постройку своего поселения, а потом они принуждали индейцев возделывать их поля и огороды, молиться их богам. Так поступали новые белые с вольными людьми макома на их же земле. Но что можно было сделать против ружей и пушек пришельцев, когда у воинов племени в руках только луки со стрелами.

Одно понимали соплеменники Вайнаки: новые белые люди не посланцы бога океана. Только через какое-то время узнали индейцы макома от вакеров-переводчиков на молениях, что те пришли из другой земли, лежащей далеко за океаном и какую они называли Испанией, а себя испанцами...

... — Вождь Вайнака, — прервал воспоминания старика маленький Вук. — К нам кто-то бежит.

Вайнака оглянулся и увидел бегущего по тропе человека. И хотя тот был ещё далеко, узнал в нём своего воина по раскрашенному белой глиной тёмному лицу.

Вскоре воин подбежал к вождю и было видно, что он очень устал, а на лице его и теле блестели капельки пота.

— Вождь Вайнака, — заговорил воин, прерывисто и часто дыша. — Воины, которых ты послал ... охранять... дубовую рощу... от людей племени калечи, убиты.

Тяжело такое слышать Вайнаке, но лицо его осталось по-прежнему спокойным.

— Садись, — сказал он воину-гонцу. — Говори... Где это случилось?

— У той самой рощи, — проговорил гонец и почти упал на землю.

— Все воины убиты?

— Почти все... Немногим из нас удалось убежать в лес.

— А мой сын Юкка? — с надеждой спросил Вайнака, пославший сына во главе воинов.

— Он был убит одним из первых... Если бы такое не случилось, то мы бы не отступили.

Вайнака молча воспринял и это известие...

...Раздор с соседним племенем калечи начался, когда те спустились на равнину с гор, где всегда обитали. Теперь же, кочуя по-соседству с макома, калечи вдруг захватили их дубовую рощу, хотя она издавна принадлежала макома. В роще было изобилие жёлудей, основной их пищи. Хотелось всё уладить миром и вот однажды на совете старейшин решено было позвать вождя калечи в баню для важного разговора... но разговора не получилось, а случилась жестокая ссора и старейшины макома вождя соседей там в бане убили. Калечи объявили макома войну, которая продолжается до сих пор, унося многие жизни с той и другой стороны...

... Вайнака поднялся, так же без слов побрёл по тропинке. Только теперь он шёл ещё медленнее, опираясь одной рукой на плечо Вука, а другой держась за воина.

Когда подошли к селению, Вайнака остановился, окинул взглядом разбросанные по речному берегу хижины родного племени. Почти возле каждой из них горел костёр, а женщины и мужчины занимались своими домашними делами... Лишь у входа в жилище вождя костёр был погашен.

Вайнака с помощью поводырей вошёл в свою большую хижину и сперва сел, а потом прилёг на покрытое козьими шкурами ложе.

— Скажите шаману Вываку, чтобы он собрал ко мне всех старейшин... Говорить буду, — тихо сказал вождь.

Вук выбежал из хижины, побежал к шаману и вскоре к вождю стали заходить старейшины племени. Они рассаживались на земляном полу, устланном тоже звериными шкурами и смотрели на лежащего перед ними вождя Вайнаку.

Вот он повернул к собравшимся соплеменникам своё исхудавшее, морщинистое лицо с глазами, полными печали и боли.

— Вы пришли... Я позвал вас... Братья мои... — заговорил медленно вождь, с трудом подбирая слова. — Я, ваш вождь Вайнака, ухожу к нашим богам ...и предкам. Скоро священная птица прилетит за мной... Я делал всё, чтобы люди моего племени жили хорошо.... Чтобы их было больше... Но одно беспокоит меня...

Вождь замолчал и все сидевшие перед ним мужчины замерли, ожидая его главного слова.

— Мои сыновья погибли, защищая наше племя от врагов, — продолжал Вайнака. — Теперь умираю я, но у меня нет наследника... Потому я хочу сказать вам свою последнюю волю: как только чёрная птица унесёт меня к богам, то вы пойдите в священную нашу пещеру, и пусть шаман Вывак вместе с вами попросит у бога океана нового вождя. Если он не забыл нас и если мы не прогневали его, то он поможет...

Вождь, не договорив, повернул голову и закрыл глаза.

— Пойдём, — закивали головами старейшины.

— Пойдём.

— Пойдём.

— А ещё наказываю тебе, шаман Вывак, и вам, старейшины, помириться с племенем калечи. От раздора пользы нет и не будет...

Шаман Вывак, стоявший у самого изголовья вождя, в знак согласия склонил голову...

...И вот настал тот день, когда посреди индейской священной пещеры на высоком выступе океанского берега, куда вход не для каждого мужчины макома был доступен, ярко загорелся костёр, освещая дрожащим неровным светом закопчённые и оттого кажущиеся мрачными её песчаные стены.

На земляном полу пещеры, устланном тростниковыми циновками, сидели, сосредоточенно взирая на огонь, старейшины макома. Вокруг же костра то медленно, то быстро перебирая босыми ногами, двигался шаман Вывак, в накинутой на плечи звериной шкуре, что-то бормоча, глухо ухая и крича разными голосами. Его чёрные лохматые волосы и лицо лоснились от пота, а в широко открытых и, казалось, безумных глазах отражалось пламя священного костра.

Внезапно в открытый вход пещеры ворвался сильный порыв ветра и со стороны океана слышался гул также внезапно налетевшего урагана.

— Бог океана услышал нас! — воскликнул один из старейшин.

— Услышал!

— Услышал! — закричали другие.

— Он услышал и поможет нам!

Тем временем Вывак что-то незаметно бросил из своей ладони в затухающий костёр, который мгновенно вспыхнул с новой силой. Шаман вскочил, и его пляска под удары собственного бубна продолжалась до тех пор, пока он сам в изнеможении опять не лёг и не затих у догорающего костра....

... Когда буря, также быстро успокоилась, как и налетела, индейцы во главе с шаманом стали выходить из пещеры. Они прошли на песчаный береговой склон, затем двинулись к самой воде, чтобы омыться ею, очевидно, продолжая ритуал.

Зайдя в воду, индейцы ладонями ловили набегавшие волны и умывались, простирая руки к морской дали. Но вдруг они застыли в испуге и изумлении: прямо к ним из воды, словно из глубины океана выходила женщина. Мокрые светлые волосы почти закрывали её лицо и спадали на плечи.

Вид белой женщины, выходящей из морской воды, был таким необычным и таким неожиданным, что индейцы стали потихоньку пятиться с мелководья на песчаный берег. А она тоже, увидев перед собой людей, остановилась, посмотрела почему-то назад, а потом решительно двинулась к берегу.

Когда она вышла из воды на песок, то все, стоявшие перед ней индейцы упали на колени, до самой земли склонив головы. Явно не понимая, что происходит, женщина, обессилив, опустилась на песок и без чувств повалилась навзничь.

Индейцы вскочили, подбежали к женщине, что-то лопоча на своём языке. Они подняли её на руки и быстро пошли, почти побежали вдоль берега в сторону своего селения.

Глава вторая

Под жарким калифорнийским солнцем млеют, кажется, даже желтоватые стены глинобитных домов испанской крепости Сан Хосе на океанском берегу. Прохладнее бывает только в тени, да когда дует со стороны океана свежий ветер.

В этот полуденный час в миссии малоллюдно и тихо. И в сей тишине как-то странно и необычно звучит гитара, струны которой перебирает, сидя в тени караульного домика у самых ворот крепости, испанский солдат. Рядом с домиком на дозорной вышке слушает гитарные переборы его товарищ по службе и земляк. Может быть, он вспоминает сейчас их далёкую родину, и эти воспоминания волнуют его душу. Может быть, поэтому он, прислонившись к столбу, на котором висит сигнальный колокол, мечтательно и грустно глядит в сторону недалежного леса...

Караульный на вышке оживляется лишь тогда, когда замечает на дороге, ведущей к миссии, толпу местных индейцев, сопровождаемую несколькими солдатами и конным офицером. Это шли на обед, работающие на полях и огородах испанских миссионеров, местные жители — индейцы.

— Антонио! — крикнул с вышки солдат играющему на гитаре сослуживцу.

Тот, продолжая перебирать гитарные струны, повернул голову и вопросительно глянул на товарища.

— Антонио! — вновь закричал солдат. — Лейтенант Лопес обедать ведёт диких!

Открывай ворота!

Смолкла музыка... Антонио унёс в караулку гитару и вышел оттуда, держа в руках китель и ружьё. Быстро надев китель, закинув за плечо ружьё, Антонио пошёл отворять крепостные ворота, к которым уже приближалась толпа индейцев, сопровождаемая солдатами и оттого похожая на стадо с пастухами.

Индейцы шли усталые, какие-то равнодушные и не было среди них ни одного улыбающегося лица.

Вот первые из толпы направились, было, к одному из глинобитных домов, перед которым возле котлов сидели женщины-индеанки, но лейтенант Лопес, замыкавший процессию верхом на лошади, громко крикнул:

— На молитву!

И толпа повернула к стоящей неподалёку низенькой церкви, где их ждал священник миссии падре Педро.

В тёмной сутане, перепоясанной светлым поясом, он дождался, когда все индейцы опустились перед ним на колени и, воздев руки к небу, начал читать молитву.

И опять усталые индейцы смотрели равнодушно на всё происходящее. Ни один из них, похоже, не знал испанского языка, на котором говорил отец Педро, а для сидящих перед ним на коленях индейцев слова молитвы переводил их соплеменник вакер-переводчик.

После недолгой молитвы, всё так же сопровождаемые солдатами, индейцы двинулись к дому-кухне, рядом с которым прямо на земле стояли котлы с пищей. Повар-испанец, высунувшись из окна, выдал каждому индейцу деревянную ложку и большую хлебную лепёшку.

Индейцы без толкотни расселись вокруг котлов, и видно было, что каждый из них знал своё место. Тот же испанец-повар в окне громко ударил поварёшкой по дну медного таза, который он держал в руке, и по этому сигналу индейцы приступили к обеду.

Сопровождаемые их солдаты сели за широкий стол под навесом у самой стены кухни, а пищу им стали подавать женщины-индеанки.

Лейтенант Лопес подошёл к столу вместе со всеми, но на своё обычное место не сел.

— Альварес, — обратился он к одному из своих подчинённых сержантов. — Смотри здесь за порядком, а я пойду к капитану Муньосу.

— Слушаюсь, господин лейтенант! — поднялся с места и вытянулся в стойке сержант.

Лопес зашагал к одному из домов возле церкви, в котором размещалась комендатура.

Капитана Муньоса, начальника крепости, он нашёл в его рабочей комнате. Тот играл в шахматы со своим денщиком. Капитанский китель висел на спинке стула.

— О! — увидев вошедшего офицера, воскликнул капитан. — Лейтенант Лопес... Что так рано? Ведь время нашей встречи после рабочего дня. Что-нибудь случилось?

— Вот именно — случилось, — мрачно ответил Лопес.

— Тогда другое дело, — сразу посерьёзnel Муньос.

Он встал из-за шахматной доски и махнул денщику рукой:

— Потом.

Денщик вышел, а Муньос подошёл к офицеру.

— Так что же стряслось, лейтенант?

— Ещё один побег диких, господин капитан. С плантации убежали трое индейцев.

— Ещё трое, — нахмурился Муньос. — Это уже слишком, Лопес... Вы наказали виновных солдат?

— Если накажу, господин капитан, то останусь вообще без них. Да и за что наказывать? Людей не хватает, чтобы охранять всех индейцев... Короче говоря, мне ещё нужны солдаты.

— Так где же я тебе их возьму, Лопес? Только-только хватает на охрану крепости и для работ за её стенами. Я даже не знаю, что будет, если вдруг, не дай Бог, дикие нападут на нашу миссию. Такое уже случилось. И не только здесь. Ты ведь сам знаешь, как они нас не любят.

— Конечно. Ещё бы не знать.

— Попробуйте искать убежавших.

— Это ничего не даст. Они убежали в горы. К тому же вокруг обитают десятки племён. И кто знает — куда дикие пошли... Нет, нужно пополнить рабочие казармы новыми индейцами... Необходимо поймать новых, господин капитан.

— Ты предлагаешь устроить охоту на индейцев?... Ну, что же, Лопес, неплохая мысль. И я её поддерживаю. А чтобы не тратить много времени, мы внезапно нагрянем прямо в их поселение. Я знаю одно такое на берегу реки, недалеко отсюда.

— Да, если они ещё там обитают.

— Сперва я пошлю туда разведку. А ты, Лопес, вечером зайди ко мне, мы обсудим с тобой подробнее все детали предстоящего дела.

— Слушаюсь, господин капитан, — вытянулся и козырнул коменданту сразу повеселевший лейтенант Лопес.

... После обеда толпа рабочих-индейцев, подгоняемая солдатами, вновь пошла на выход из крепости через ворота, которые распахнул Антонио.

Затворив их, он пошёл в караулку, и вскоре с её невысокого крыльца опять полились чудные переборы испанской гитары.

Глава третья

Белая женщина, принесённая индейцами макома с берега океана, лежала в хижине вождя на мягких козых шкурах. После пережитого в океанских водах ей было тепло и уютно, как не было в её жизни уже долгое время, о котором сейчас и вспоминать-то не хотелось, а хотелось просто лежать и наслаждаться покоем. Поэтому она лишь приоткрыла глаза, когда в хижину почти неслышно вошла женщина с плетёной чашею в руках.

Лицо её не было похожим на лица тех людей, которых она встретила, выйдя из морской воды. Оно было намного бледнее, с чуть раскосыми глазами.

— Где я? — спросила вошедшую женщину, лежащая на ложе.

— О, заговорила! — по-русски воскликнула та и села рядом на корточки.

— Ты глаголешь по-русски? Откуда нашу речь знаешь?

— Я сразу догадалась, что ты русская. Вот откуда только — не знаю.

— С острова Ситхи, что у берегов Аляски. А ты?

— А я с Кадьяка.

— Я тоже там родилась. А как звать тебя?

— На Кадьяке Манефой крестили, а здесь кличут Шака. Отец мой русский зверолов, а мать алеутка. А тебя как зовут?

— Алёна... Как же ты тут очутилась?

— Да как... Взяли меня на острове нашем морские разбойники. Похитили обманом, увезли сюда на своём корабле, а тут продали испанцам, да я сбежала... Давно это было...

— Так где же я? — повторила свой вопрос Алёна.

— В Калифорнии... Слышала про страну такую?

— Конечно. Мой батюшка мореход и с Аляски не раз в эти края хаживал. Эту сторону, говорил он, ещё Новой Испанией зовут. Так?

— Вот, вот... Только испанцы здесь в своей крепости живут, а ты у здешних индейцев племени макома. Они добрые люди и ты ничего не бойся. Они и меня приютили. За свою почитают... А про тебя говорят, что ты к ним из моря вышла. Так?

— Так-то так... Меня тоже пираты на Ситхе схватили, да где-то здесь продать хотели.

— Наверное, в Сан-Франциско. Это в ста милях отсюда на берегу залива есть большая испанская миссия, куда разные корабли заходят.

— Может быть... Только на нас внезапно буря налетела, корабль пиратский разбило, а меня на какой-то доске к прибрежным камням принесло... Слава Богу. Но почему они, индейцы, когда я на берег к ним вышла, то передо мной ниц пали?

— У них недавно умер вождь. Вот по его завету и пошли старейшины с шаманом молиться своему морскому богу, чтобы тот дал им нового. А после моления в священной пещере на берегу они увидели тебя, когда ты из моря выходила. Ты им, говорят, послана самим богом океана. Вот и пали ниц перед тобой, принесли тебя на руках в хижину вождя. Видишь — ружьё его и лук со стрелами.

— А теперь что со мной будет?

— Ничего плохого. Поправишься, и тогда придут к тебе старейшины, будут говорить с тобой. А о чём — мне не ведомо. Теперь отдыхай.

— Но я не больно и устала.

— Всё равно тебе сейчас надо сил набираться. Мне же велено тебя кормить, поить и выхаживать.

— Но для чего? Я ведь тоже с той стороны прибыла, что и ты.

— Им сие не ведомо. Для старейшин макома ты явилась после их долгой молитвы морскому богу.

— Но ведь я — русская. Я — белая.

— Да, ты белая... Старики-индейцы говорят, что когда-то давно тут на берегу реки появились однажды белые люди. Откуда они пришли — никто не знает. Может их судно тоже разбилось в бурю.... Долго ли они тут жили — мне неизвестно. Потом пришельцы куда-то делись. Индейцы же макома с той поры почитают белых людей почти что за богов, а место, где пришельцы жили, по сей день зовётся Долиной Белых Людей... Так что, может, они тоже были русскими, славянами.

— Я тебя Маней звать буду?

— Зови... Мне даже лучше, — кивнула Манефа, затем поднялась и направилась к выходу. — А ты, Алёна, поешь, однако... Пойду воды согрею, потом опять к тебе приду.

— Погоди, Маня... А ты никогда не пыталась отсюда уйти?

— А куда же тут уйдёшь? Разве что опять к испанцам.

— Нет... Домой на Кадьяк. Ежели в здешние порты разные суда заходят, то, стало быть, и в нашу сторону идут.

— Нет, не пыталась. Далеко отсюда те порты. Да мне и здесь хорошо. Привыкла... А ты, ужель, обратно домой собралась?

— Я только об этом всё время и думаю.

Алёна повернула голову, закрыв глаза...

Как же ей не думать о родимом доме, о батюшке с матушкой, о братце, о сестрице своей младшенькой, да о любимом своём Ванечке, с которым разлучила её судьба в самый день и час венчания в Божием храме там, на острове Ситха, у берега Аляски.

Да и как ей, родившейся от русских отца и матери, не называть своей родиной скалистые острова вдоль матёрого американского берега за тысячи миль от российских берегов.

Она часто думала о том, когда, как и почему пришли к Аляске русские люди? Почему они, в том числе и её батюшка, называют неудобную ту землю «землёй русского владения». Алёна слышала об этом, но совсем немного, а всего она не знала, да и знать не могла.

Глава четвёртая

...София-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, дочь Христиана-Августа, герцога Ангальт-Цербст-Бернбургского и Иоанны-Елизаветы, принцессы Голштейн-Этинской, а попросту российская императрица Екатерина Вторая Алексеевна проснулась в своей спальне как всегда сразу после шести часов утра. Она сама оделась, прибрала себя, сполоснула лицо холодной водой из умывальника и сама же разожгла, уложенные ещё вечером, дрова в камине.

Екатерина любила эти ранние утренние часы за то, что они принадлежали только ей одной и никому больше. Она знала, что у дверей спальни и других личных комнат дежурят сейчас камердинеры, камермедхен, да камерфрау. Но никто из них не посмеет войти сюда, пока она сама не позовёт их тонким звоном своего серебряного колокольчика.

Да и совсем немного было у государыни Екатерины таких счастливых минут одиночества. Уже к девяти часам у дверей её, убранной к тому времени спальни, соберутся со своими бумагами статс-секретари, обер-полицмейстер, вице-канцлер или столичный губернатор, петербургский главнокомандующий или генерал-прокурор Сената — те, кому в этот день положено быть у императрицы для доклада. С этого самого часа государыня будет весь день среди людей, занимаясь различными делами почти до отхода ко сну где-то часов в десять вечера. Так что ей было за что любить эти первые после пробуждения утренние часы.

Екатерина ещё с юности не любила никакой роскоши ни в одежде, ни в убранстве жилых своих покоев и придерживалась сего правила всегда и по сию пору. Вот и сейчас, надев простой белый капот и такой же белый чепец на голову, она в первый раз позвнила в колокольчик. Тут же отворилась дверь и в её рабочий кабинет вошёл дежурный камердинер, которого она даже и не видела, находясь рядом в спальне. Он молча, как это делал ежедневно, поставил на секретер государыни большую фарфоровую чашку горячего и крепчайшего левантского☐ кофе, да блюдце с гренками и так же молча удалился.

Екатерина перешла в кабинет, села за секретер и взяла в руки чашку с любимым напитком. Она вдохнула его аромат и даже зажмурилась от удовольствия. Сделав несколько глотков, государыня придвинула к себе лежащие на столе листы бумаги. Вчера она опять увлеклась сочинением своего Наказа для будущей Комиссии по составлению новых российских законов. Уже не один месяц каждое утро она садится и пишет свой Наказ, а конца и края не видно сему писанию. Но она не отчаивается. Это писание, да чтение древних и современных мыслителей стало её подлинной страстью. Да и кому, как не ей, наказать будущим депутатам думать и принимать законы о власти самодержавной, о суде и расправе, о воспитании, о торговле, образовании, о городах российских и их населении, о государственных доходах и расходах... Ох, как много ей ещё придётся думать и писать...

...Вот и вчера, увлекшись писанием поздним вечером, чего почти никогда не делала, она даже записочки своему любимцу Гришеньке Орлову не послала, чтобы пришёл к ней ночью скоротать. Вот, поди, метался в своих комнатах, увидев запертою потайную дверь в её покои. Ну да ничего. Пусть помечется — крепче любить будет...

Екатерина взяла новое белое перо и, омакнув его в чернильнице, склонилась над белым же листом бумаги.

...Но долго ей заниматься своим любимым делом в сегодняшнее утро не пришлось. За дверьми кабинета слышались какие-то голоса, коих в такой ранний час быть не должно.

Хотя на каминных часах уже почти девять утра и к этому времени первые докладчики-секретари должны находиться в зале.

Императрица вновь позвонила в колокольчик, и в кабинет тотчас же вошёл один из её четырёх статс-секретарей граф Олсуфьев.

— Доброе утро, матушка-государыня. Как ночевали? — заботливо произнёс он, склонившись в поклоне у самой двери.

— Доброе, доброе, Адам Васильевич. Всё слава Богу, — приветливо улыбаясь, ответила Екатерина. — А что там за шум у моего порога?

— Так прискакал к Вам нарочный гонец, государыня, из самой сибирской стороны, от тамошнего тобольского губернатора Чичерина. Вот дежурный офицер громко и просил Вам срочно доложить и пакет передать, — и Олсуфьев кивнул на серебряный поднос, который держал в руках. — Вы уж извините за беспокойство, Ваше величество.

— Ничего, ничего, граф. Да к тому же и офицер прав. Его не ругайте... Ну и что там? — показала Екатерина на конверт.

— На пакете начертано: «Императрице Екатерине Алексеевне... везти денно и ночью нигде не удерживая».

— Что же мне так срочно хочет поведать Денис Иванович. Почитайте-ка, граф.

Олсуфьев достал из пакета бумажные листы:

— «Всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне, императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской»...

— Пойдите, пойдите, Адам Васильевич, — прервала секретаря Екатерина. — Вы ведь знаете, что я этого не люблю... Мне суть послания изложите. Сами-то его прочли?

— Как же, государыня, читал. Поскольку срочное, — ответил Олсуфьев.

Граф Адам Васильевич был одним из самых опытных придворных чиновников императрицы. Крестник Петра Великого и выпускник Шляхетского кадетского корпуса, он ещё во времена учения там был знатоком многих иностранных языков, которые ему легко давались. Потому-то он позже служил при русском посольстве в Датском королевстве секретарём у посланника Корфа, а, возвратившись в Россию, служил в Коллегии иностранных дел. Был замечен при Дворе и назначен даже личным секретарём императрицы Елизаветы Петровны, заведующая её доходами, да Сибирскими золотыми приисками.

Олсуфьев в свои сорок с небольшим лет умом и знаниями был необходим Екатерине, а она уважала людей, знающих в каких-то делах больше её самой. Потому-то Адама Васильевича государыня любила не только как исполнителя, но и как дельного и мудрого советника.

— Ну так что Вы там вычитали, Адам Васильевич? — негромко спросила Екатерина и опять мягкая, добрая улыбка озарила её лицо.

— Губернатор Сибири пишет Вам, что камчатскими купцами были посланы на Алеутские острова мореход Степан Глотов, да казак Пономарёв. И те на боте «Святой Иулиан» дошли до самых дальних Алеутских островов, до Умнака и Уналашки. Тамошних жителей-алеутов они привели в российское подданство, а те острова отныне будут российского владения... Это, государыня, совсем недалеко от матёрого американского берега. Губернатор Чичерин поздравляет Вас с приобретением для России сих новых земель и богатых пушных промыслов.

— Ну, что же, граф. Я весьма благодарна Денису Ивановичу за эту весть и, полагаю, что

ему надо послать нашу монаршую благодарность.

— Но это ещё не всё, государыня.

— Что же ещё?

— Денис Иванович просит Вас послать туда, на Алеутские острова, экспедицию для описания тех островов и составления чертежа их, после чего можно будет объявить всем, что те острова наши. Пока же сами мореходы делали свои чертежи углём да глиною. А для сего дела нужны морские офицеры да штурманы.

— Ну, что же... Дело сие очевидное и я согласна. Только надобно, я полагаю, о сем деле поговорить в Сенате с генерал-прокурором Вяземским.

— Он уже здесь, Ваше величество, и я его в дело посвятил.

— Как здесь? Когда успел?

— Так ведь сегодня четверг, государыня. День его доклада по сенатским делам.

— Ах, да... Я совсем, видно, заработалась, что и дни недели забыла... Хотя совсем не мудрено — ведь я работаю как лошадь.

— Истинно так, государыня, — подтвердил Олсуфьев, — я говорю правду и нисколько не лью Вам.

— Спасибо, Адам Васильевич. Слава Богу, что хоть Вы меня понимаете... Ну так зовите сюда князя без всякой очереди, коли дело столь спешное.

— Слушаюсь, — склонился в поклоне Олсуфьев и вышел из кабинета, а когда тут же возвратился, то следом за ним в кабинет императрицы вошёл генерал-прокурор Сената князь Вяземский.

Он был назначен на эту важную чиновную должность совсем недавно, но правил делами с великим тщанием, и Екатерина была им весьма довольна. Во всяком случае за внутренние дела империи, за её финансы, да ещё много за что она была спокойна, полагаясь на своего генерал-прокурора и её доверенное лицо в Сенате.

— Здравствуйте, Александр Алексеевич, — приветствовала со своей неизменной улыбкой императрица вошедшего князя.

— Здравия желаю, Ваше величество, — поклонился Вяземский и, подойдя к Екатерине, поцеловал протянутую ему императрицей руку.

— Как Ваше здоровье, князь?

— Да пока Бог миловал, здоров.

— Ну и хорошо, коли так. А то ведь дел-то у вас много. Из-за сего даже уныние бывает. Нет ли его у Вас теперь, Александр Алексеевич?

— Нет, государыня. Следуя Вашему наказу, все тревоги и огорчения я всегда оставляю у порога дворца Вашего, — улыбаясь, сказал Вяземский.

— Похвально, князь. Я не устаю всем повторять, что нельзя никогда предаваться мнительности и обидам, надо не унывать, а бороться с разными невзгодами, надеяться и верить в успех. Не так ли, Адам Васильич?

— Точно так, государыня, — подтвердил Олсуфьев.

— Тогда садитесь рядом да поговорим ладком, — показала Екатерина на обитые белым с разводами шёлком стулья и, смеясь, добавила. — Поболтаем...

А когда Вяземский с Олсуфьевым уселись, продолжила:

— Ну, коли, Вы, Александр Алексеевич, знакомы с письмом тобольского губернатора, то скажите о сем своё мнение.

— Да тут говорить много не надо, государыня. Предложение губернатора Чичерина

следует принять. Ведь речь идёт о приобретении новых земель в российское владение, новых людей в российское подданство, о закреплении нашем на всех островах Алеутских, а в будущем и на матёром берегу Аляски. Промышленным людям от тамошнего пушного богатства прямая выгода, а, стало быть, и государству российскому. Вот Вам, государыня, моё мнение.

— Спасибо, князь. Слова Ваши меня обрадовали и убедили. Я никогда не стесняла ничьего мнения, но часто имела и имею своё собственное. Честно скажу я Вам, что к той окраине империи я относилась прохладно, полагая, что сие дело далёкого будущего, а ближайшие наши действия обращены должны быть на полуденные страны. Я и сейчас мечтаю о русском стяге на Чёрном море и о кресте на храме Святой Софии в Царьграде. Море должно быть русским, каковым оно и было, а Стамбул должен стать вновь Константинополем! Ужель я не права?

— Ещё как правы, государыня, — заговорил Вяземский. — Великое дело — утвердиться нам на Чёрном море и на Босфоре. Вновь сделать Царьград столицей православной веры нашей, а Крым присоединить к России. Да только и на Восточном океане мы тоже давно интерес имеем. Ещё государь Пётр Первый мечтал о большой земле американской, а наши мореходы ходили у тех берегов и при нём и после него.

— Мне сие ведомо, Александр Алексеевич. Знаю я и про Дежнёва, и про Хабарова, про Беринга с Чириковым... Я сама на днях читала наказ Петра Великого, собственною его рукою написанный перед самой кончиною. В том наказе повелевает он узнать: не соединяется ли где земля российская с американскою. Да велит поспешить с делом сим, ибо англичане и голландцы тоже американской земли там искали... Ведомо мне, что наши зверобои по сей день в той стороне промышляют... Но ведь я помню и то, что совсем недавно отказала в монаршем пособии тамошней компании Постникова. Именно из-за надобности денежной на южных рубежах наших. Как же быть мне теперь?

— Всему свой час, государыня. Пусть Ваше монаршее пособие идёт туда, куда Вы его изволили направить. А купцам нашим, промышляющим у американских берегов, надо, разумею, дать свободу промыслу их и торговле с тамошними странами, особливо с Китаем. Польза от сего дела для нашего Отечества немалая.

— Да я разве против сей свободы? Вы же знаете, князь, мою любовь к России. Мне хочется, чтобы народ наш славился всеми воинскими и гражданскими доблестями, чтобы мы во всех отношениях превосходили других. Не забывайте, милостивые государи — я дочь герцога Цербстского, а сие значит — сербского. Стало быть и во мне течёт кровь славян поморских... Я давно убедилась в том, что русский народ наш есть особенный в целом свете. Бог дал ему отличные от других свойства, а, главное, красоту души.

— Ваша любовь и забота об Отечестве, о народе нашем известна и за пределами России, государыня, — сказал Вяземский. — Что же касательно денег для постройки компанейских судов, то позвольте подумать о них нам — Сенату. Вы только указ о сем свой монарший дайте.

— Александр Алексеевич, голубчик, выручайте! И можете совершенно надеяться на меня. Я же, видя Ваше угодное мне поведение, никогда о сем не забуду.

— Благодарствую, государыня.

— Указ же Сенату поручим написать Адаму Васильичу. И мы его потом вместе обсудим.

— Слушаюсь, Ваше величество, — наклонил голову Олсуфьев и что-то пометил в своих бумагах.

— Ну, а теперь, милостивые государи, — продолжила императрица, — поговорим касательно экспедиции, о коей Денис Иванович Чичерин просит.

— Подготовку её надо поручить коммерц-коллегии, государыня. Там для сего дела и нужные люди найдутся, — предложил Вяземский.

— Я с Вами согласна, князь.

— Позвольте мне слово молвить, государыня, — подал голос Олсуфьев.

— Конечно, граф. Для того и сидим тут. Говорите.

— По моему разумению надобно предприятие сие проводить тайно. Ибо о делах наших полуденных, полуночных и восточных, как и прежде, очень хотят знать англичане, французы, шведы, а особенно испанцы.

— Да, я читала о том в их газетах. Боятся они нашего присутствия на американских берегах... Так, может быть, экспедицию назовём для отвода глаз какой-нибудь ревизиею?

— Так и сделаем, государыня, — согласился Вяземский. — Пошлём в Сибирь только офицеров в небольшом числе. Остальных же нужных людей пусть наберут в Тобольске, Иркутске или Охотске.

— Да будет так, Александр Алексеевич. Прошу Вас денег для сего дела не жалеть... Даст Бог, прирастёт Отечество наше ещё и Русской Америкой, умножится народом и богатством той земли. Ничего другого я не желаю для страны, в которую привёл меня Господь.

Екатерина поднялась с кресла, что означало для собеседников окончание разговора. Её голубые глаза светились радостью и какой-то лукавой весёлостью.

— Указ об экспедиции в коммерц-коллегию я сочиню сама, — сказала императрица, — и вы увидите, милостивые государи, что я люблю ещё нераспаханные страны... А теперь, вы уж извините, мне надобно прибраться для приёмов. Мои дамы меня уже, наверное, заждались... До свидания, Александр Алексеевич. В понедельник жду Вас с докладом, — и Екатерина протянула Вяземскому руку для прощального поцелуя. — Да, вот что я ещё сейчас вспомнила, друзья мои:

«...Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнёт в Америку держава»...

Кто сие написал? Скажите-ка.

— Михайло Васильевич Ломоносов, Ваше величество, — отвечивал Олсуфьев.

— То правда, граф. Вот кто в делах сих умнее нас всех вместе взятых. Ведь он уже писал об американской земле и даже чертёж мне показывал, — обернулась императрица к своему статс-секретарю. — Да, вот что ещё...

До меня дошел слух, что наш славный русский гений Ломоносов пребывает в бедности. Ежели сие правда, то это позор для нас. Поручаю вам всё разузнать и сговориться с президентом академии графом Разумовским. Пусть подумает о пенсии для Михайлы Васильевича. Ответ мне скажите.

— Слушаюсь, государыня, — поклонился Олсуфьев.

— Да подумайте об участии его словом и размышлением в подготовке экспедиции нашей. А Денису Иванычу Чичерину отпишите в Тобольск мою монаршую благодарность. Пусть ждёт указа.

Екатерина кивнула собеседникам и пошла в спальню своею статной, величавой походкой, которая приводила всех и всегда в восхищение. А сейчас восхищёнными же

взглядами провожали императрицу и Олсуфьев с Вяземским.

Глава пятая

С той поры, когда в тысяча семьсот семидесятом году испанцы заложили на побережье Южной Калифорнии форт Монтерей и объявили его столицей Новой Испании, они стали всё дальше и дальше продвигаться на север этого благодатного берега, устраивая новые католические миссии, и считали себя полными хозяевами этой земли. И почти все те испанские переселенцы, солдаты и миссионеры вряд ли могли думать, что их затянувшаяся морская экспедиция, и всё, что с ней связано, имела цель препятствовать приходу сюда русских из Северной Америки — Аляски. И только те, кто их посылал через моря и океаны, знали об этом. Знали и боялись, что русский флаг вот-вот может подняться над солнечной Калифорнией.

Прошло более трёх десятков лет, а испанцы всё так же хозяйничали здесь: захватывали новые земли, насильничали и убивали истинных хозяев побережья — индейцев многочисленных здешних племён, которых и за людей-то не считали, грубой силой обращая их в свою католическую веру.

Даже сейчас, когда в самой Испании было неспокойно от военных бурь, принесённых наполеоновскими солдатами, испанцы не мыслили себя здесь иначе, как хозяевами...

...Именно поэтому капитан Пабло Муньос ехал во главе конного отряда своих солдат на жестокую охоту, чтобы добыть новых рабов-пленников и дело это считал совершенно обыденным.

Посланные им вчера разведчики доложили, что племя индейцев макома, обитавшее на левом берегу, протекавшей в нескольких милях от форта Сан-Хосе, реки, всё ещё находится там, и капитан сегодня утром приказал седлать коней...

...Выбравшись из леса, отряд спешил к подножью невысокого холма, поросшего густой травой и кустарником. За этим и такими же другими холмами протекала река.

Капитан Муньос и лейтенант Лопес скрытно, почти ползком, взобрались на вершину холма и огляделись.

Прямо перед ними на пологом берегу, почти у самой воды стояли в привычном для индейских поселений беспорядке тростниковые островерхие хижины племени макома. Перед входом в каждую из них горели костры, на которых женщины готовили свою нехитрую пищу.

Несколько мужчин занимались на мелководье ловлей рыбы, а малые ребяташки играли, или наблюдали за делами взрослых: был обычный мирный день индейского племени.

— Лейтенант, — сказал Муньос, когда закончил обзор индейского посёлка. — Ты берёшь своих людей и атакуешь селение слева по берегу. Выйдешь туда вон за тем дальним холмом. А я со своими солдатами встану вон там в ложбине у правого края посёлка. Думаю, что испугавшись тебя, дикари бросятся бежать именно туда. А мы их там и встретим. Ты согласен?

— Конечно, господин капитан, — кивнул Лопес.

— Тогда приступим к делу.

Офицеры спустились с холма, сели на коней, и испанцы, разделившись на две части, поехали в разные стороны.

Алёна всё так же лежала в своей хижине, и всё так же разные мысли одолевали её. А,

главное, она совершенно не могла пока себе представить, что будет с нею дальше. Что делать, куда идти после полного выздоровления, которое вот-вот наступит, она не знала и ничего пока для себя не решила... А сейчас ждала Манефу, чтобы поговорить, но вдруг услышала возбуждённые громкие голоса, а потом и крики обитателей индейского поселения. Такого в эти дни никогда не бывало и Алёна, встав с постели, подошла к тростниковому пологу, прикрывающему вход в хижину. Она откинула его и выглянула наружу.

К удивлению своему Алёна увидела индейцев, бегающих меж своих домов-хижин. А со стороны дальнего холма вдоль берега реки неслись вскачь какие-то всадники.

Алёна догадалась, что нападавшими были испанские солдаты, но почему они оказались здесь, и зачем напали на мирное поселение индейцев, она в первые мгновения понять не могла. Схватив ружьё, Алёна вновь выскочила наружу.

Немногие из мужчин-индейцев, находившиеся сейчас в своих жилищах, тоже выскочили с луками в руках и стали, защищаясь, пускать стрелы в солдат. Те же, кто не были вооружены, или же находились на мелководье, побежали из деревни вдоль берега реки.

...Алёна увидела, как один из всадников замахнулся саблей на беззащитного индейца, но опустить её не успел. Алёна выстрелила навскидку, как на охоте, и всадник свалился с лошади.

Перезаряжать ружьё Алёне было некогда, да и нечем. Она кинулась обратно в хижину и, выскочив оттуда с луком и стрелами, вновь увидела как метались по деревне люди макома, а солдаты на лошадях гонялись за мужчинами племени, над которыми то и дело мелькали арканы-лассо, повергая на землю очередную жертву. Совсем недавняя тишина будто взорвалась от топота конских ног, от громких криков, визга и плача детей.

Своими стрелами Алёна сумела сразить ещё двоих испанских всадников. Остальные, подхватив на сёдла раненых и убитых товарищей, помчались дальше продолжать свою дикую охоту... И опять наступила тишина.

Алёна огляделась и за своей спиной увидела многих стариков да женщин с испуганными детишками, всех оставшихся в деревне индейцев, которых она так неожиданно сейчас защитила. Они что-то говорили ей на своём языке, но Алёна ничего понять не смогла, пока к ней не подошла Манефа.

— Они просят тебя спасти их и защитить, — сказала она.

— Как это я могу сделать?

— А это уж тебе решать. Старейшины всё скажут.

И тут из толпы индейцев вышел шаман Вывак. Он поднял вверх руку и жестом прекратил гомон соплеменников. Потом обернулся к Алёне.

— Старейшины племени макома ожидают тебя в хижине вождя, — сказал шаман и показал рукой на вход тростникового жилища, где она совсем ещё недавно лежала и думала свои горькие думы.

Алёна не заметила, как в хижине собрались все старейшины племени, усевшись напротив чуть возвышавшегося ложа, куда пригласил шаман присесть Алёну.

— Старейшины макома и все люди племени хотят, чтобы ты стала нашим вождём.

— Да, да, да, — закивали головами старики.

— Я женщина, — повернулась Алёна к Манефе, которая начала переводить её слова. — Разве может женщина быть вождём?

— Ты послана макома морским богом, — заговорил Вывак. — Когда не стало старого

вождя Вайнаки, то мы по его наказу молились в священной пещере, чтобы бог моря дал нового... И он сделал это. Ты вышла к нам на берег из морских волн. Сегодня ты храбро дралась с нашими врагами — испанцами и повергла на землю троих врагов. Мы это видели и благодарим тебя. Ты сможешь защитить нас, как никто другой. И потому мы просим: будь нашим вождём.

Алёна ненадолго задумалась. Она обвела взглядом сидевших перед нею индейцев, глянула на стоявшую рядом Манефу, которая всем своим видом, а особенно глазами просила Алёну дать согласие. И та наклонила голову.

— Хорошо, — сказала она. — Я согласна... Я обещаю быть с вами, пока бог моря не заберет меня обратно. Я буду защищать вас, но делать это вместе со мною должны все мужчины макома.

— Да, да, да, — опять закивали головами старейшины.

— Мужчин осталось мало, а с сегодняшнего дня ещё меньше. Те же, кто остался, будут исполнять всё, что ты им скажешь, — громко произнёс Вывак. — Слово вождя — закон для каждого из нас.

— Но и ты, шаман Вывак, будешь тоже помогать мне, — сказала Алёна.

— Да, — склонил голову Вывак. — Это моё племя, и я буду помогать тебе защищать его от врагов.

Затем шаман снял висевшие на стене хижины бусы из морских раковин и надел их Алёне на шею, а на голову повязал широкую ленту, изукрашенную разноцветными птичьими перьями. Двое из старейшин накинули на плечи Алёны накидку из таких же пёстрых птичьих перьев.

— Отныне ты наш вождь! У нас есть вождь! — воскликнул шаман, обращаясь к старейшинам, и повернулся к Алёне. — А как звали тебя в прежней жизни?

— Алёна.

— Теперь ты будешь Шаста. Так звали нашу реку белые люди, жившие там во времена наших предков.

— Так, так, так, — сказали старейшины и склонили головы.

— Скажи, вождь Шаста, — неожиданно изрёк один из них. — Что нам сегодня делать?

— Испанцы могут вернуться, — немного подумав, заговорила Алёна. — А посему надобно увести людей подальше отсюда в безопасное место... Именно сейчас. Но куда? Вы лучше меня знаете. Может быть за реку?

— Нет, — покачал головой шаман. — Туда нельзя. На том берегу земля чолбонов. Мы с ними не дружим, потому что они близки к испанцам.

— Тогда перекочуем ближе к океану в начало Долины Белых Людей. Где это?

— Там, — показали старейшины. — Вон за тем лесом. Недалеко оттуда река впадает в океан.

— Вот и пойдём в ту сторону немедля, — вставая, сказала Алёна. — Только не берегом, а лесом, чтобы следов меньше оставить.

Старейшины согласно закивали головами и вместе с Алёной вышли из хижины, где тотчас же были окружены соплеменниками.

Вдруг раздался громкий звук барабана: это шаман ударил рукой в свой бубен, подавая какой-то знак людям макома. И тотчас же наступила тишина, а все индейцы опустили на землю там, где застал их звук бубна.

Шаман Вывак поднял руку и заговорил.

— Что он говорит? — спросила Алёна Манефу.

— Он говорит, что боги дали им нового вождя, и что этот вождь — ты. Что зовут тебя Шаста, и ты будешь заботиться о людях макома и защищать их от врагов.

Закончив речь, шаман вновь ударил в бубен и все индейцы от мала до велика легли вдруг на землю перед Алёной лицами вниз.

— Вождь Шаста, — заключил шаман своё обращение к соплеменникам, — повелевает всем сейчас же собраться для перехода на другое место, в самое начало Долины Белых Людей у океанского берега.

Индейцы встали с земли и побежали к своим тростниковым хижинам. А мужчины подвели к Алёне красивого вороного коня под седлом. Конь, очевидно, был только что пойман после набега испанцев.

— Таких коней должен иметь каждый воин племени макома, — громко сказала Алёна.

Манефа перевела её слова и мужчины со старейшинами согласно закивали головами.

Отряд испанцев тем временем возвращался в свою миссию после набега на индейское поселение. Ехали молча. Так же молча и понуро шли, связанные одной верёвкой и окружённые всадниками, несколько темнокожих индейцев.

Лейтенант Лопес, ехавший с капитаном Муньосом впереди отряда, явно был доволен сегодняшним походом.

— Хорошо сходили, господин капитан, не правда ли, — сказал Лопес, оглядев солдат и пленников позади себя.

Пабло Муньос ответил не сразу. Он, как видно, не разделял настроения своего офицера.

— Улов хороший, не скрою... Но слишком дорогой ценой он достался нам, лейтенант. Мы потеряли троих наших солдат, не считая раненых. Такого ещё не бывало. Так что никакой радости я сейчас не испытываю.

— И всё это сделала какая-то белая женщина! — воскликнул Лопес. — И откуда только она там взялась?!

— Может быть, тебе это показалось, лейтенант?

— Нет! Это видели все мои люди. На ней было платье и... белые-белые волосы по плечам. Чудно здесь видеть такое, а придумать никак нельзя, — возбуждённо сказал Лопес.

— Уж не влюбился ли ты, Лопес, в эту белую женщину?

— Да, она была прекрасна, что и говорить! Хотя видел я её всего несколько мгновений... А, может быть, нам стоит возвратиться, господин капитан? — неожиданно предложил Лопес. — Позвольте, я отмщу за убитых солдат и приведу эту белую женщину в нашу крепость!

— Не смейте и думать об этом, лейтенант. Я не хочу терять людей из-за какой-то девки. Пусть даже и белой среди черномазых... Да я и не думаю, что они сейчас на прежнем месте ждут нас. Их надо опять искать. Придёт время — найдём, и будет эта белая девка наша, как наше всё это, — развёл широко руками Пабло Муньос.

— Так точно, господин капитан, — согласился Лопес. — Я сам буду её искать и обязательно найду, в чём даю вам слово офицера.

— Отлично, Лопес. Не сомневаюсь, — устало улыбнулся капитан.

Впереди показались крепостные строения миссии Сан-Хосе. Увидев их, отряд невольно прибавил шагу. Пленённые же индейцы почти побежали, окруженные всадниками...

...В эту ночь Алёне долго не спалось. Она то и дело беспокойно ворочалась на своём мягком ложе, возвращаясь мыслями к событиям сегодняшнего дня, да и ко всему тому, что приключилось с нею в последнее время. Только к середине ночи Алёна впала в полудрёму и ей примстилось вдруг, что будто бы она с любимым Ванечкой идёт по какой-то улке и, вроде, Ново-Архангельска. Вот они подходят к пристани, где стоит большой-большой корабль, а с него по трапу будто бы сходят на берег отец её Сысой с матушкой, правитель Баранов Александр Андреевич с помошником своим и другом отца Иваном Александровичем Кусковым. Все они проходят мимо, но её почему-то совсем не замечают. Народу же на берегу видимо-невидимо. Смотрит она кругом, а её Ванечки-то нету. Вдруг она услышала, его громкий голос: «Алёнушка, Алёна!» И тут же Ваню увидела. Он, будто бы, зовёт её, но тоже не замечает. Она же пытается изо всех сил ему ответить, а сказать ничего не может, только стонет. И вдруг Алёна напряглась вся, громко, как ей казалось, крикнула и от крика своего проснулась... Голос Ванечки, зовущий её, был настолько явственный, что Алёна вскочила с ложа и выбежала из хижины.

Но на воле было темно и тихо, а рядом с хижинкой никого не оказалось. Только увидела она звёздное небо над головой, да горящие костры по краям селения, у которых сидели мужчины, оберегая покой людей своего племени.

Глава шестая

Тотемский мещанин Иван Александров сын Кусков запомнит, наверное, этот июньский день тысяча семьсот восемьдесят седьмого года на всю свою жизнь, которая, как он думал, в его нынешние двадцать два лета от роду, у него только начиналась.

В старинном русском городе Тотьме, что находится в вологодских пределах, и дома которого разбросаны по высокому левому берегу многоводной и древней реки Сухоны, да впадающей в неё речки Песьей Деньги, род Кусковых пребывал с времён стародавних. С таких же давних пор толкуют люди разные, что имя своё город получил от императора всероссийского Петра Алексеевича Великого. Будто бы, остановившись здесь однажды по пути к Архангельскому городу и морю Белому, оглядел царь Пётр место сие и изрёк: «Тотьма», что означало, стало быть, беспросветную глушь.

Но это была всего лишь народная молва, или даже шутка, а в ней сразу две неправды.

Старожилы-тотьмичи знали и ведали, что городок их старше самой Москвы-матушки, а ко времени неоднократного пребывания тут государя и царя Петра Великого, стоял он на сем месте уже почти шесть сотен лет.

Да никогда и не была Тотьма беспросветной глушью, ибо возник город на большом водном пути и во все времена года многолюдном. А путь тот шёл из пределов московских и многих городов русских сперва к Вологде, и далее по Сухоне-реке через Тотьму до самого Устюга Великого, а оттуда к морю Студёному, либо за Большой Камень в сибирские города и далее до самой китайской границы, до далёкой Камчатки и островов Восточного океана.

Так что все пути даже самого давнего прошлого шли через Тотьму. Потому и гордились тотьмичи своим древним городком, связанным путями-дорогами с большими и малыми городами всей Руси Великой и от которого начиналась земля Русского Поморья на его южных невидимых рубежах.

А ещё гордились тотьмичи тем, что знаменит был их город на всю Россию своим древним соляным промыслом и стоял он среди таковых мест в одном ряду с Солью Вычегодской, да с Солью Галицкой, уступая лишь, разве что только Соли Камской.

Тем и жила Тотьма и слыла среди других городов богатым городом. Обозами по сухим дорогам и речными судами развозилась соль торговыми людьми на российские ярмарки, давая большой доход здешним купцам, владельцам соляных варниц и рассольных трубкаважин. Возвращались купцы домой со многими товарами и вновь спешили уже на другие ярмарки.

По числу своих жителей, коих было в Тотьме почти четыре тысячи душ, не уступала она губернской столице — Вологде, а по числу людей купеческого звания даже превосходила: в купцах числилось более пятисот горожан.

Так что почти все тотьмичи жили и кормились соляным промыслом. Многие число рядового городского народа трудилось на варницах: дровосеки и дрововозы, истопники и мастера кузнечного дела, варничные повара и подварки, водоливы, достающие соляной рассол бадьями из глубоких обсадных труб-сважин, грузчики, судовые ярыжки и прочий работный люд, пришлый и оседлый, коренной.

Работы хватало всем, и купцы тотемские известны были во многих городах Руси: Холодиловы, Пановы, Черепановы, Кузнецовы, Шергины, Чекалёвы, Нератовы, Токаревы, Улановы... И не было им числа. Да и немудрено: в купеческое звание мог вступить даже

черносошный крестьянин Окологородной волости или мещанин из Рыбацкой слободки-«Зелени», что на посаде за Песьей Деньгой, заработавший на соли первый капитал и имевший свою торговлю разным товаром, привезённым с ярмарок Москвы, Ярославля, Костромы, Вологды, Архангельска или Галича Мерьского костромской соседней земли и подобных окрестных земель.

Но пришло время и тесно стало у себя дома тотемским купцам всех трёх их сословных гильдий. Тогда пошли они за Камень в сибирские города, производя торговлю российскими и иностранными товарами на ярмарках да торжках Тюмени, Тобольска, Иркутска и даже на кяхтинской границе с Китаем, в далёком Охотске и на Камчатке.

А там вместе с земляками из Великого Устюга, Архангельского города, Верховажья, Каргополя, Яренска Лальска, да с купцами сибирскими тотьмичи строили вояжные морские суда, на которых ходили по Великому океану, открывали новые острова у неведомых доселе американских берегов, описывали эти новые земли и присоединяли к Российскому государству. Собираясь в компании, промышленяли на вкладных своих паях морского зверя. Все те дела их шли на пользу Отечеству.

Род Кусковых тоже был не из последних в Тотьме. Только принадлежали представители его более к мещанскому городскому сословию и вышли из подгородной Рыбацкой слободы, занимаясь там со времён незапамятных огородничеством и рыболовством на оброчных рыбных езах. Были среди них и переселившиеся на старый верхний посад, что на Харабардиной горе и на берегах речек Ляпунихи и Ковды. Записавшись в мещанское сословие, служили Кусковы и в городском магистрате и в уездном казначействе.

И только немногие из Кусковых имели дело в соляном промысле, состоя при нём солеварами и бурильщиками скважин.

Попытался, было, однажды, ещё дед Ивана — Леонтий Кусков заняться варкой соли на продажу, купил варницу с частью трубы, залез в долги, да однажды летним вечером сгорела его варница от недогляда. Отец Ивана долг выплатил, но от болезни рано сгорел и сам, а матушка отошла ко Господу в прошлом семьсот восемьдесят шестом году, и остался Иван жить в мещанах с двумя родными братьями — старшим тридцатилетним Митяем и почти своим ровесником братом-погодком Петром.

У братьев его было одно хозяйство на двоих, а Иван жил отдельно в старом отцовском доме. Женат он не был, рассчитывая сперва встать на крепкие ноги в жизни сей. Вот тогда-то и пришла ему в голову мысль заняться коммерцией и первый свой капитал заработать на соли, как многие купцы-тотьмичи начинали. А среди них у Ивана Кускова с братьями родни было полно и по отцу и по матушке.

На новое дело уговаривать Митяя с Петром долго не пришлось. Оба дали согласие, да ещё поручили ему это дело и возглавить. На семейном совете решено было купить перво-наперво у кого-нибудь хотя бы четверть действующей рассольной трубы и тем войти с кем-то в долю, но со своей варницей и церном — большой железной сковородой, куда выливался поднятый водоливами соляной рассол, из которого затем выпаривалась вода, а на сковороде оставалась только соль.

Нужны были ещё рогожные мешки, амбар для склада их и хранения, малое речное судёнышко-дошаник, дрова и множество всякого инструмента для задуманного дела.

На всё и про всё требовалось тысячи две рублей, а таких огромных денег ни у Ивана, ни у братьев отродясь не бывало и взять их можно было только в долг под вексель у кого-то из

богатых купцов и лучше бы всего у своих по родне. Таковы были купцы Нератовы.

Они вели большую торговлю по сибирским городам и даже в самой Иркутской губернии пушным, шёлковым и прочим разным товаром.

Глава семейства Алексей Петрович Нератов приходился братьям Кусковым дядей из двоюродных со стороны их родной матушки. Два его сына Фёдор да Илья торговали в Иркутске. Сам же Алексей Петрович давно покинул Сибирь и держал торговлю здесь, в Тотме, на Вологде, да изредка выезжал на ярмарки в Москву, или Великий Устюг, а, бывало, что вовсе отдыхал от торговых дел и долгих поездок.

К нему-то и направился Иван Кусков, когда нужда заставила, занять денег под простой вексель: дело в то время обычное. Нератов в деньгах не отказал, и братья купили у своего знакомца Гришки Усова четверть рассолоподъёмной трубы, а у соседа Данилы Кузнецова варницу с черном-сковородой.

Труба давала до тысячи бадей в сутки и четвёртой доли рассола братьям Кусковым для начала вполне хватало. Вскоре в их амбаре лежали первые мешки с солью и в базарные воскресные дни они уже торговали ею в своей лавке на городском торгу. А на февральской, нынешнего года, тотемской ярмарке, на которую, по обычаю съезжались торговые гости и покупатели из разных городов, сёл и деревень соседних губерний, братья Кусковы сумели хорошо заработать на продаже соли. Вырученные деньги они вложили снова в своё дело и даже сумели отдать купцу Нератову часть долга по векселю.

Так что, ежели дело будет ладиться, размышлял Иван, то можно подумать о своей собственной трубе, а там и прошение можно подавать в уездное казначейство о причислении их, братьев Кусковых, к тотемскому купеческому братству...

...Но бывает же такое!..Всё рухнуло в один из июньских дней нынешнего семьсот семьдесят седьмого года: и начатое дело, и мечты о купеческом будущем...

.... В первый день июля начиналась в Великом Устюге знаменитая на всю Россию Прокопьевская ярмарка, и Иван решил осуществить свою давнюю задумку — выйти на этот большой торг.

Из амбара по Варничной дороге братья Кусковы свезли рогожные мешки с солью на пристань и погрузили их на свой дощаник, купленный ещё в прошлом году у какого-то торгового человека, приплывшего на нём из Вологды.

Плоскодонный дощаник был с мачтой и малым парусом, да ещё с тремя парами вёсел, за которые посадил Иван нанятых судовых ярыжек. За главного на судне поставил он младшего брата Петра, рассчитывая, что вниз по течению, да с попутным, даст Бог, ветерком, приплывут они к Великому Устюгу ещё до начала ярмарочных торгов.

Сам Иван собирался добраться до Устюга с каким-нибудь купеческим обозом, а Митяя оставил хозяйствовать на варнице, где работа не прерывалась даже ночью.

Ранним утром дощаник поплыл вниз по Сухоне, а на другое утро примчался домой на чьём-то взмокшем жеребце брат Петруха и, еле отдышавшись, выпалил, что их дощаник с солью затонул.

Ошарашенный таким сообщением брата, Иван долго молчал, пока не спросил Петра:

— Отчего такое случилось?

— Так налетели на подводный камень.

— Где?

— На перекате у Коченги. Там ведь до самого Брусенца одни мели да перекаты.

— Ну и что? Разве вы первые там шли? Куда смотрели-то?

— Так ведь камень-то под водой сокрыт был. Не увидали мы. Сперва на него днищем сели — осадка-то большая... Течение там быстрое, ход узкий и поворотистый... На камне нас развернуло, дно пропоролло... И всё... Сами вплавь еле до берега добрались, — закончил свой рассказ Петруха и добавил: — Там и до нас, говорят, тонули.

— Эко утешил... Утешайся этим сам, мне боле ничего не говори...

Случившееся было для всего задуманного дела явной катастрофой, похожей на большой пожар.

— Что же делать теперь будем? — сказал Иван больше себе, чем брату.

— Я не знаю, — произнёс устало тот. — Думайте вы с Митяем. Я же делом этим больше заниматься не буду.

— Да как не заниматься! — воскликнул Иван, — коли мы в долгах, как в шелках. Вексель-то Нератову за нас никто оплачивать не будет?

— Вот Митяй с варницы явится, то вы с ним и решайте, что делать дальше и как быть. Как решите, так и будет. А мой сказ таков: долгу трубы, варницу с церном надо продать в счёт долга по векселю. У Алексея же Петровича Нератова в остатке долга отсрочки просить. Думаю, что не откажет: родня всё-таки... Не наше, видно, это дело — соляной промысел.

— Похоже, что так, — согласился Иван. — Но руки опускать не будем.

Весь остаток дня и всю ночь Иван думал только об одном: как выйти из постигшей их с братьями беды, а утром он убедился в правоте старой народной мудрости, которая гласила, что беда не приходит одна: ночью от недогляда сгорела их варница и всё, что при ней было. Впрочем сгорела и у соседа Платона Выдрина, но это лишь окончательно убедило Ивана в безнадёжности задуманного им, вроде бы, хорошего дела.

Свою долю в рассольной трубе и соляной амбар с небольшим остатком соли у братьев Кусковых пообещался опять купить Гришка Усов, но денег от продажи ожидалось мало, и Иван направился к Нератову улаживать дело с долгом.

Держатель векселя Алексей Петрович Нератов жил недалеко от городской пристани на высоком берегу Сухоны. Дом Нератовых стоял рядом с хоромами о двух этажах знатного тотемского купца Холодилова, известного на всю Сибирь от Тобольска и Иркутска, до Охотска и Усть-Камчатска.

Правда, в доме том сейчас было тихо и малоллюдно. Уже не один год Фёдор Холодиллов промышлял со своей компанией где-то у Командорских и даже, говорят, у Алеутских островов. А в Иркутске среди других купцов — тотьмичей вёл торговлю его родной брат Григорий Холодиллов со своими сыновьями Михайлом да Арсением.

Иван Кусков остановился на крутом берегу Сухоны, где внизу у речной пристани, как всегда, было многолюдно и суетливо. Мельтешило в глазах от множества разного люда: бурлаков, судовых грузчиков, возчиков с лошадьми и телегами, на которых громоздились то рогожи с солью, то короба и корзины с каким-то товаром, А у самого судового пристанища покачивались на речных волнах дощаники, лодки-долблёнки, барки и полубарки с парусами и гребцами.

Рядом с пристанью небольшой, но говорливый торжок с продавцами скорым мелочным товаром и разной снедью: пирогами-рыбниками, яйцами, молоком, творогом, квасом, первыми ранними овощами, чесноком и луком...

...Алексей Петрович Нератов был дома и за конторкой в своём рабочем кабинете увлечённо что-то считал и записывал, тоже, видимо, готовился к предстоящей поездке на ярмарку в Устюг.

Он даже не сразу оторвался от дела, когда в его кабинет вошёл и остановился у порога Иван Кусков, а когда повернулся, то пошёл гостю навстречу и, здороваясь, пригласил того в кресло у стола, стоящего напротив большого окна, выходящего на набережную.

— Садись, Иван, да хвастай, — говорил без улыбки Нератов, усаживая гостя. — Хотя, прости, хвастать-то тебе нечем... Наслышан, наслышан про вашу беду. И про вчерашнюю и про сегодняшнюю... Что теперь делать намерен?

— Долю трубы обещал выкупить у нас опять себе Усов. Но тех денег не хватит даже закрыть хоть малую толику долга тебе по моему векселю. Так что, Алексей Петрович, пришёл я к тебе просить отсрочки.

— В нашем коммерческом деле, — сказал Нератов, выслушав Ивана, — друзья, знакомцы, даже родные люди стоят как бы на втором месте. Порой их даже нет вовсе. В коммерции, брат, прежде всего — выгода.

— Об этом мне давно ведомо, — кивнул уныло Иван.

— А посему долг твой я тебе простить, конечно, не могу. Тем более что он не маленький.

— Тысяча семьсот рублей без десяти.

— Да, да... Но мы люди православные, — немного подумав, продолжал Нератов, — и в память о твоей матери, которая меня малого нянчила, поила-кормила, я не буду требовать с тебя уплаты долга в какой-то срок. Сделаем вексель бессрчным, но платить будешь каждый год, пока не выплатишь всех денег.

— Спасибо, Алексей Петрович. Как скажешь, так и делать будем... Но ведь я не только за этим пришёл.

— А что ещё ты хочешь, позволь полюбопытствовать?

— Совета твоего, Алексей Петрович. Не знаю, чем заняться мне. Долг платить надо, а здесь таких денег не заработать. На братьев же надежда плоха.

— Что правда, то правда... Думаю, надо тебе, Иван, идти в сибирские города. Не ты первый, не ты последний, кто там находит своё дело. К тому же по городам сибирским много купцов наших. Любой тебя к себе в приказчики возьмёт. И служить тебе надобно по коммерческой части... А Господь милостив. Не получилось с первораза — надо попытаться ещё раз. Лучше всего, я думаю, тебе добраться до Иркутска. Там у меня, как ты знаешь, два сына торг ведут — Фёдор да Илейка. Я им про тебя отпишу.

— Спаси, Господи, Алексей Петрович. Век не забуду доброту твою. Всё сделаю, чтобы долг свой тебе выплатить. А деньги, какие, даст Бог, зарабатывать буду, то высылать тебе в Тотму стану непременно и без обмана. А залогом братья мои будут.

— Я тебе, Иван, и так верю. Приходи ты ко мне сюда завтра после обедни и мы все дела обговорим, а вексель ты новый напишешь на оставшуюся сумму. Сделаем его не только бессрчным, но и переводным: мало ли со мной что может случиться, не дай Бог, то платить будешь, кому я сам укажу.

— Благодарствую, Алексей Петрович, от всей души, — поднялся с кресла и поклонился поясно Иван.

— Отблагодаришь, когда служить начнёшь. А деньги, которые за трубу выручишь, то поделите меж собой. Тебе в дальней дороге без них никак нельзя... В городском магистрате паспорт для отлучки в сибирские города испроси года на два, а лучше на три. Да долго-то с отъездом не тяни. Вот скоро ярмарка в Устюге и туда из сибирских городов торговые люди обязательно приедут. С ними сговорись и отправляйся. А можешь зимой по санному пути.

— Нет, Алексей Петрович. Зимы ждать не буду. Пойду нынче. Собраться недолго. Как говорится, только подпоясаться. Я и так туда собирался. Тебе же ещё раз моя благодарность.

— Ты лучше Бога благодари... И вот тебе ещё один мой совет. Сходи в Суморин монастырь помолись там у раки преподобного Феодосия. Он по молитвам многих исцеляет, все, молящиеся у мощей его, получают просимое... По себе знаю. Так что тебе стоит сделать сие перед таким дальним твоим путём.

— Схожу непременно, Алексей Петрович. Спаси, Господи. Пока жив, буду молиться за тебя.

Иван Кусков земно поклонился Нератову и вышел из кабинета.

Глава седьмая

Перебравшись на новое место, макома устроили свои шалаши у самой кромки лесных зарослей на берегу всё той же реки, но так, чтобы открытое пространство с редкими здесь холмами было видно на все стороны. В лесу же в случае опасности скрыться можно будет скорее и надёжнее.

Переселив племя индейцев в безопасное, как ей казалось, место, Алёна вновь задумалась: а что же делать дальше? Она часто ловила себя на мысли, что стала постоянно думать о судьбе этих людей, малых и больших, больных и старых, доверивших ей свою жизнь. Да к тому же в мыслях своих Алёна ежедневно обращалась к родным для неё аляскинским берегам, к острову Ситхе, к Ново-Архангельску, где на маленькой улке нижней крепости стоял дом отца её Сысоя Слободчикова, известного по всему побережью американскому морехода и зверобоя. Как-то там теперь без неё отец и матушка? Как младшие брат и сестрица? А что стало с её любимым и суженым Ванечкой? Жив ли? Ждёт ли? Ищет ли её? Или уже надежду оставил? Ведь разлучились они с Ваней на самом венчании, так неожиданно прерванном набегом аляскинских индейцев-колошей на русскую крепость.

Но в душе своей сама Алёна надежды не теряла ни на один день и верила, что на далёкой Аляске тоже о ней думают, ждут. Знала она, что на всё воля Божия, на которую только и стоит положиться. Потому-то и молилась Алёна утром и вечером перед сохранившимся на груди её нательным крестиком и медным образком Божией Матери Путеводительницы.

А что делать дальше ей теперь в племени макома, Алёна и впрямь не знала, и ничего путнего на ум не приходило. Правда, думая о батюшке своём Сысое, Алёна вспоминала, как он советовал ей: ежели что-то долго не получается в деле каком-то, то нужно остаться одному, уйти в лес или на берег моря и там вдали от суеты людской побыть какое-то время наедине со своими мыслями. Тогда решение непременно придёт. Во всяком случае, у него так случалось. А что если ей сделать сейчас так же... И Алёна решительно вышла из своей хижины, прихватив лежащее на звериной полсти конское седло.

Манефа, сидевшая у входа, что-то крикнула индейскому мальчику, который невдалеке на лугу пас коня своего вождя. Он тотчас же подвёл его к Алёне.

— Спасибо, Вук, — с улыбкой сказала Алёна и погладила черноволосую голову маленького индейца. — Тебе нравится этот конь?

— Да, — кивнул Вук.

— И ты хочешь иметь такого же?

— Да, хочу, — вновь кивнул мальчик и глаза его загорелись.

— Хорошо, Вук, — седлая коня, сказала Алёна. — Я тоже думаю об этом, но всему свой час. Настанет он и для тебя. А пока ухаживай за моим.

Она легко вскочила в седло, крикнула Манефе:

— Я скоро... Только прокачусь...

Воронок, как прозвала своего коня Алёна, широко скакал по гладкой безлесной равнине и Алёна, ладно сидевшая в седле, была явно довольна такой скачкой. Глаза её азартно блестели, а белые волосы развевались за плечами на свежем, бьющем в лицо, ветре.

Проскакав с версту, Алёна направила Воронка к подножью одного из пологих холмов и конь, почти не напрягаясь, послушно вынес её на вершину.

Алёна заворожённо оглядывала открывшуюся перед ней картину: по одну руку почти бескрайняя, поросшая травой равнина, по другую текущая меж низких берегов река Шаста, в честь которой она получила от индейцев своё новое имя, и лес, если обернуться назад, с еле заметными отсюда шалашами индейцев макома.

Было видно, что Алёне по душе этот простор, все его виды, и воля.

Так, наслаждаясь покоем, вновь оглянувшись на своё поселение у дальней кромки леса, Алёна вдруг подумала, что вот здесь, на вершине этого берегового холма, неплохо было бы устроить сторожевой пост, а вон там, в глубине равнины, на дальнем возвышении ещё один. А на тех постах, почти за версту от индейских хижин, будут находиться стражи и в случае опасности для племени: приближения отряда испанцев или иных каких недругов, они зажгут огонь из сухой травы и веток красной сосны-чаги. Дым от костров сразу увидят в поселении, где тоже на самом высоком дереве она велит устроить сторожевой пост. О таком деле её отец говаривал как-то после плавания на Гавайские острова, где подружился с тамошними индейцами.

От принятого решения на душе у Алёны стало спокойнее. Она, ещё немного полюбовавшись открывшимися перед ней видами, спустилась с холма и уже спокойно направила своего коня в сторону хижин макома. Вождь Шаста теперь знала, что надо делать...

...Манефа с Вуком сидели всё так же у входа в хижину, когда к ним подъехала Алёна. Она легко спрыгнула с коня и бросила повод подскочившему к ней маленькому индейцу.

— Держи, Вук, — сказала Алёна. — Прокатись на Воронке, потом своди его на водопой.

Вук радостно и благодарно глянул сперва на Алёну, потом на Манефу. Взяв в руки повод, он подошел к Алёне и та помогла ему забраться в седло.

— А ты, — обернулась Алёна к своей подруге и помощнице, — собери сей же час ко мне старейшин с шаманом. Совет с ними держать буду.

И Алёна скрылась за тростниковым пологом своей хижины.

Жилище вождя самое большое во всём поселении макома. Так заведено не сегодня и не вчера, а так было всегда, ибо большая хижина — место общего сбора старейшин, когда предстояло им судить и рядить о тех делах, которые касались всех людей племени макома...

...Вот и сейчас собрались они во главе с шаманом Вываком по зову вождя Шасты, расселись, как обычно, на земле, устланной звериными шкурами и тростниковыми подстилками. Старейшины внимательно глядели на Алёну, ожидая её слов.

— Я собрала всех, чтобы вместе с вами решить, как жить дальше племени макома.

— Так, так, так, — закивали головами старейшины, когда Манефа перевела им слова вождя.

— Здесь, на новом месте, нам будет намного спокойнее... И всё же я боюсь, что у испанцев появится вновь желание напасть на нас.

— Это может быть, вождь Шаста, — согласился Вывак. — Только мы не знаем, когда они могут напасть.

— Я об этом тоже помыслила. Думу свою выношу на ваш суд... Надо на одном из холмов на берегу реки установить сторожевой пост, да на таком же возвышении на равнине со стороны испанской ещё один. И пусть на этих постах будут наши люди, двое мужчин на каждом посту. Завидя отряд испанцев, они зажгут костры из травы и веток, заранее приготовленных. А здесь, у наших шалашей, мы на дереве тоже устроим сторожевую вышку. Так что в случае опасности все успеем уйти отсюда в лес и далее через него на новое место... Вот так я думаю. Согласны ли вы? Говорите.

— Твоё решение мудрое, вождь Шаста, — вновь заговорил Вывак. — Только где мы возьмём столько мужчин. Их у нас мало. Потому и жить сейчас трудно. Надо ловить рыбу, надо охотиться, надо защищать детей, женщин, стариков.

— Многие мужчины нашего племени похищены испанцами и живут в их крепости, — сказал один из старейшин.

— Я знаю об этом, — кивнула Алёна.

— Они работают на полях испанцев и никогда не вернуться сюда, как бы они этого ни хотели. Они пленники испанцев, — заговорил другой старик.

— Тогда мы сами должны вернуть похищенных мужчин в наши хижины, к их детям и женам, — твёрдо сказала Алёна.

— Вернуть?! — первым удивился неожиданным словам вождя Вывак. — Но как это сделать?

— У испанцев ружья, пушки!

— У их крепости высокие стены, — заговорили старейшины.

Обо всём этом Алёна и сама знала, но видно было, что решение такого дела она уже обдумала.

— Но нам не нужна их крепость, — вновь твёрдо и убеждённо произнесла Алёна. — Нам нужны наши мужчины. Разве испанцы не выводят их из крепости на работу?

— Выводят. Каждое утро. Потом приводят на обед. После они опять работают до вечера. На ночь мужчин запирают в сарае до следующего утра.

— Вот по дороге с работы их у испанцев и надо однажды отбить, — предложила Алёна.

— Но их охраняют солдаты с ружьями.

— Много ли?

— Немного. Но с ними всегда ещё офицер на лошади.

— Мы нападём внезапно, неожиданно. Устроим засаду. И в этом будет наша сила против их ружей.

— Но потом они придут и отомстят нам за своих убитых товарищей.

— А мы никого из испанцев убивать не будем. Мы их свяжем, заберём у них ружья и наших мужчин.

— А как же другие? Там ведь не только наши люди.

— А другие пленники пусть идут, куда хотят. На все четыре стороны. Они будут свободны. Связанных же испанцев тоже отпустим. Пусть идут своей дорогой в крепость. Согласны ли вы со мной? — спросила Алёна, заканчивая разговор.

— Согласны, — закивали головами старейшины.

— А как думает обо всём этом шаман Вывак. Согласен ли?

— Я поддерживаю решение вождя. Буду молиться нашему богу моря в священной пещере и просить у него помощи в задуманном деле на благо племени макома.

— Тогда мне нужны десять воинов, — Алёна растопырила пальцы обеих рук. — Из тех, что есть у нас ныне. И мы сегодня же выйдем в путь. А сейчас позовите ко мне тех мужчин, кто работал когда-то в испанской крепости. Так?

— Так!

— Так!

— Так! — согласно сказали старейшины, вторя своему новому вождю.

Глава восьмая

Иван Кусков так и сделал, как советовал ему Алексей Петрович Нератов. На другой же день после беседы он пошёл на раннюю церковную службу в Спасо-Суморин монастырь, а там, в церкви Воскресения Господня, исповедался и причастился у отца своего духовного Галактиона.

Впрочем, он и сам бы это сделал без всякой подсказки, ибо любил ходить молиться именно сюда за монастырские стены, где в церкви Воскресенья под резной сенью стояла рака с мощами преподобного Феодосия Тотемского, мыслью, старанием и подвигом которого воздвигнута и стоит вот уже больше двух веков сия святая обитель...

...А началось всё в то далёкое время, когда монах вологодского Дмитриева Прилуцкого монастыря Феодосий, в миру бывший Феодосий Ульянов Суморин, игуменом своим Арсением был послан в Тотьму на соляные промыслы наблюдать и начальствовать над пятью или шестью монастырскими варницами. Тогда многие монашеские обители имели на тотемском промысле свои рассольные трубы: и Троице-Сергиев, что под Московской, и Железнодорожный, что в соседней костромской земле.

Послушание своё монах Феодосий нёс исправно, но уж больно суетно, шумно было на промысле, и он всё чаще стал задумываться над словами одного монастырского старца, сказанные ему ещё в Вологде, перед самой поездкой сюда, в Тотьму: «Монах вне ограды монастыря, что рыба без воды».

Церковных служб в городских храмах, да и опять же среди людей, ему было мало, и Феодосий стал искать уединения в лесных чащах под городом, где ему никто не мешал творить свою молитву Господу. Так однажды он забрёл на то место, где речка Ковда впадала в Песью Деньгу, а та в Сухону. На высоком береговом мысу, поросшем густым лесом, слышно было только пенье птиц, а звуки городского посада сюда не долетали, как будто его, посада, с улицами, торговой площадью, пристанью, слободами и людьми, обитающими там, вовсе не существовало. Туда-то, на речной мыс, стал ходить для делания уединённой молитвы монах Феодосий.

А одной зимой с соляным обозом отправился он в Вологду и в родном ему Прилуцком монастыре, доложил игумену о трудах своих во славу Божию и монастыря, а потом пал перед настоятелем на колени и стал просить освободить его от послушания, послать в Тотьму другого монаха, а ему, Феодосию, позволить удалиться от мира и суеты в лес под городом.

Долго игумена уговаривать не пришлось. Арсений сразу понял своего собрата и благословил его на тяжкий монашеский подвиг уединения ради молитвы Господу за всех людей грешных.

Следующей весной отправился Феодосий обратно в Тотьму. Там, освятив выбранное им для моления место и поставив крест, он перво-наперво вырыл себе полуземлянку с бревенчатым накатом, покрытым дёрном с травой, вскопал небольшой огород и в этих трудах и молитвах проводил всё время, место сие почти не покидая, а лес и речки стали для него оградой от суетного мира.

Теперь никому неизвестно, долго ли Феодосий жил отшельником, но в городе, где среди посадских тотмичей и варничного работного люда, оставил он по себе добрую славу, как только узнали о его уединённом житьи-бытьи, то стали приходить к нему за советом и с

просьбами помолиться за своих ближних: то путешествующих, то болящих и недужных. Другие же построили для Феодосия небольшую келейку, куда он перебрался из своей полуземлянки. Иные же просили его позволения поселиться рядом для молитвенного уединения, и он никому не отказывал. Так появились первые насельники места сего. Их, братья Феодосия, было немного, но вскоре с помощью тотмичей срубили они церковку во имя Воскресения Христова, украсили её иконами, и в освященном храме зазвучало для всех живущих здесь и приходящих слово Божие.

Преставился Феодосий зимой тысяча пятьсот шестьдесят восьмого года от Рождества Христова и положен был в церкви Воскресенья. С той поры и по сей день приходят люди к раке его, просят Феодосия о помощи, и получают её, избавляясь от немощей телесных и душевных... Люди чудесно прозревали после многолетней слепоты, или вставали на ноги расслабленные, и на одре лежащие...

...После исповеди и причастия Иван Кусков по наказу отца Галактиона тоже долго стоял на коленях перед ракою с мощами преподобного Феодосия, прося молитвенной помощи его в неведомом пути в дальнюю сибирскую сторону, в тамошней будущей своей жизни и трудах. А потом пошёл в келью отца Галактиона для душевной беседы, как делал это не раз. Сейчас же она была ему особенно необходима. Он рассказал отцу Галактиону о всех недавних своих бедах и твёрдом решении идти в Сибирь.

— Жалею я о приключившемся несчастью твоём, Иван, — сказал отец Галактион, — но ты не унывай. На всё воля Божья.

— На неё и уповаю, отче. Да на добрых людей.

— Так, так, — согласился Галактион. — Вот Нератов, хоть и богатый человек, а поступил благородно, по-православному. Ибо радость принимающего — человеческая, а радость дающего — божественная. Стало быть, богатство его не греховно, и я радуюсь за него, за тебя, за братьев твоих. А что порешил в сибирские города идти, то дело сие хоть и многотрудное, но не одним тобою деланное.

— Не я первый, не я и последний, — согласился Кусков.

— Да, туда давно дорога проторена нашими северными мужиками. Каждый год, почитай, из Тотмы, из Устюга Великого, или из иных каких недалних мест наших уходят люди разных званий в сибирские города. Бывает, что и обратно приходят, но это редко. Многие же там остаются навсегда, и часто безвестно.

— Сказывают старики, что в Сибирь не только мужики шли, но и девок туда возили.

— А как же. Возили не однажды туда невест по государеву указу. «Плодитесь и размножайтесь», — говорит Господь. Вот и делали сие для умножения народа сибирского. Так что теперь почти в каждом тамошнем городе ты земляков своих тотмичей, устюжан, лальцев да вологжан наверняка встретишь. Да и фамилии там на каждом шагу то Тотмянин, то Устюжанин или Устюгов, то Вологдин, или Вологжанин.

— А правда ли, батюшка, что и сам Ермак, открыватель Сибири, родом тоже наш, тотемский, — спросил Иван.

— Да, такое старое предание и сейчас здесь живо. У Ермака отчество-то было Тимофеевич, а в тридцати верстах от Тотмы на Вожбале есть починок Тимошкино, да Слобода Тимошкинская, где, сказывают, он, Ермак, и жил. А рядом деревня Ермаково до сего дня стоит. Поезжай туда, любой скажет тебе, что Ермак родом из этих самых мест и жил там во времена царя Грозного Ивана, а потом ушёл в Сибирь.

Иван Кусков тоже не однажды слышал это предание старины.

— В доме нашем, — сказал Иван, продолжая разговор о Ермаке, — у отца моего, с детства помню, висел на холсте писанный портрет Ермака и с надписью сбоку: «Ермак Тимофеевич». Да тот портрет и сейчас у нас дома. Где отец его купил, на какой ярмарке — мне не ведомо.

— Я видел ту парсуну у отца твоего. Помню, что на лице Ермака усы да борода, в руке копьё, но одежда не воинская, а на голове шляпа с перьями.

— Точно так, батюшка. Совсем он не похож на завоевателя Сибири, как говорят старые люди.

— А он Сибирь не завоёвывал, — не согласился отец Галактион.

— Как так? А зачем же пошёл туда?

— В те прошлые годы на наших соляных промыслах варили соль купцы Строгановы — родственники сольвычегодских. Ермак варницы их и нанят был охранять. Человеком он слыл смелым, удалым и дерзким. Когда же государь Иван Васильевич Грозный дал Строгановым привилегии на сибирские земли, где они добывали пушнину и брали дань с местных народцев, то взяли Ермака с ватагой охочих людей охранять свои владения сибирские от набегов тех инородцев. Такое было время, Иван... Теперь же туда путь торный.

— Вот и я пойду на днях сперва в Устюг на Прокопьевскую ярмарку. Туда из сибирских городов торговые люди наверняка придут. С ними и сговорюсь в ту сторону. А там как Бог даст.

— Да, брат Иван, что было, того уже никогда не будет, а то, что с нами будет завтра — знает один Господь. Сегодня же тебе надо собираться в дальнюю дорогу. Многое из вещей всяких с собой не бери. Это наживное. Бери главное — носи Бога в душе своей.

Иван внимал всем сердцем словам отца Галактиона, и понимал, что тот наставляет его, провожая в долгий жизненный путь, на котором, возможно, они больше никогда не встретятся. Иван это чувствовал, был серьёзен и старался запомнить каждое слово своего наставника.

— Возьми с собой в дорогу Евангелие, Псалтырь, да писания святых отцов наших, — продолжал отец Галактион. — Начинай каждый свой день и заканчивай Иисусовой молитвой. Она — самое сильное оружие против умыслов врага. Ну, а в книгах сих — мудрость. Святые отцы в писаниях своих много мудрых мыслей нам оставили... Вот, говорит Иоанн Златоуст, что всё земное, что окружает человека: дома, земля вчера принадлежали одному, сегодня — другому, завтра — третьему. Всё переходит из одних рук в другие и ничто не вечно. А что же вечно? Душа. Только о ней и надо заботиться, говорит он. И в Евангелии сказано: какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей навредит... Так что берегись, Иван, стяжания благ, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его денег и всякого имени. Сокрушай чревоугодие, тщеславие, а мир душевный сохраняй неосуждением и молчанием.

Многое, о чём говорил отец Галактион, Иван давно знал, но он знал и то, что от повторения святые истины не стареют, а приближают человека к Богу и помогают в многотрудной земной жизни.

— Вера наша православная всегда стояла и стоит на любви ко всякому, кто создан по образу и подобию Божию, — по-отечески мягко проговорил отец Галактион, взяв с полки толстую старинную книгу и раскрыв её. — Апостол Павел в Первом своём послании коринфянам так писал: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не

имею, то я — медь звенящая, кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я — ничто. Любовь долготерпелива и милосердна, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, языки умолкнут, и знания упразднятся». . . Ты, брат Иван, будешь жить среди разных людей. А посему помни и говори сам себе: пусть будет так, чтобы я вносил любовь туда, где ненависть, чтобы я прощал, где обижают, чтобы я воздвигал веру, где давит сомнение, чтобы я возбуждал надежду, где мучает отчаяние, чтобы не меня любили, но чтобы я других любил. Ибо кто даёт, — тот получает. . . Следуй этим правилам святых отцов наших и душа твоя спасена будет, в ней поселится мир да благодать. Я же тебя благословляю на твой дальний путь и труды — во благо твоё и во славу Божию.

Отец Галактион поднялся с лавки, осенил крестным знаменем стоящего перед ним Ивана Кускова, и они троекратно, по-православному обычаю, облобызались.

— В Устюг приедешь, то иди сразу в Успенский храм. Там найди отца Алексия. Он мой сродник, у него и побудешь, а на постоянный двор не ходи. Я же отцу Алексею обо всём тут в грамотке отписал, — подал Ивану бумагу отец Галактион.

— Спаси, Господи, батюшка, — поблагодарил священника Иван. — Обещаю, что никогда не забуду бесед твоих и доброту твою ко мне, грешному.

— Ступай с Богом, Иван, да отпиши ко мне, когда устроишься в сибирской стороне или с какой оказией о том знать мне дай. А я за тебя тут молиться буду. Да хранит тебя Господь.

— Непременно, отче, отпишу. Спаси, Господи, — опять поклонился Иван и вышел из кельи отца Галактиона.

. . . В тот же день Иван Кусков стал собираться в дорогу. Вечером к нему пришли Митяй с Петром. Они поделили по-братски деньги от продажи общей доли рассольной трубы, а утром следующего дня, оставив на попечение братьев отцовский дом, отправился Иван Александров сын Кусков с товарным обозом в Устюг Великий, где на днях начиналась большая ярмарка.

Глава девятая

По одному ему известной тропке меж деревьев и зарослей низких кустов шёл индеец-дозорщик, за которым следовали мужчины макома во главе с Алёной и Манефой-Шакой.

Вот воин остановился, подняв руку, прислушался, потом снова махнул рукой, и все продолжили движение, а, выйдя из леса на открытое место, поросшее лишь невысоким кустарником, передвигаться стали, пригибаясь к земле и, наконец, вышли к дороге, что вела от плантации к испанской крепости.

Дозорщик поспешил дальше, а все остальные спрятались в кустах по обеим сторонам дороги. Вскоре разведчик вернулся и жестами показал, что индейцы под охраной солдат возвращаются с работы. . .

. . . Как всегда молча, толпа индейцев брела по пыльной дороге. Впереди шагали два солдата с ружьями, а позади толпы шли тоже двое вооруженных испанцев. Замыкал шествие лейтенант Лопес, восседая на лошади. Было тихо. И только шуршание песка под ногами людей, да топот конских копыт нарушали эту тишину.

Внезапно раздался чей-то громкий возглас. Из кустов, росших вдоль дороги, выскочили с громкими криками индейцы. Они повалили на землю солдат, стащили с лошади офицера, отобрали у всех оружие и, связав сзади руки, поставили в ряд у обочины.

К Алёне подошел один из её воинов.

— Их надо убить, — сказал он, показывая на пленных испанцев.

— Нет, — не согласилась Алёна. — Я уже сказала, что мы убивать никого не собираемся... Отпустим с миром. Пусть идут к себе домой и всем скажут, что макома — мирные люди... Что макома — вольные люди. Если же испанцам нужны работники, то пусть приходят и берут к себе тех, кто пойдёт к ним доброй волей. Если же и впредь будут наших людей брать силой, то и мы ответим тем же.

Когда вакер-переводчик вместе с Шакой пересказали испанцам слова Алёны, лейтенант Лопес невольно воскликнул:

— Кто ты, женщина?!

— Вождь племени макома, — ответила Алёна и, глядя на удивлённое и растерянное лицо испанского офицера, она усмехнулась.

— Но ты же белая женщина!

— Да, как видишь, испанец.

— Но у индейцев не принято, чтобы вождём племени была женщина, да ещё и белая. Откуда же ты у них вдруг взялась?

— Вот именно — вдруг. Я вышла к ним из морской воды. Они говорят, что сам бог океана даровал им вождя — белую женщину.

— Что за чушь, — всё ещё ничего не мог понять Лопес.

— Это их вера, испанец. А веру надо уважать.

— Позвольте, господин лейтенант, — вмешался молчавший до сих пор вакер-переводчик.

— Говори...

— Я слышал от самих индейцев эту историю.

— Ну и что она гласит в их исполнении?

— У них и верно не так давно умер старый вождь. Наследников он не оставил и наказал своему шаману и старейшинам молиться в священной пещере на берегу океана, чтобы бог дал им нового вождя. Во время омовения в морской воде после молитвы к шаману и старейшинам вышла из океанских волн белая женщина. Это был для них знак божий.

— Прямо чудо какое-то, — сказал Лопес. — А как звать тебя, женщина?

— Зови Шастой.

— Что это значит — Шаста?

— Когда-то давно, — продолжил рассказ вакер Лопеса, — индейцы макома встретили каких-то светловолосых белых людей. С тех пор они почитают тех пришельцев почти как богов. Шаста и означает — Светлая, река Счастья.

— Теперь мне всё понятно. По всему видно, что это были славяне. Ты тоже светловолосая, а, значит, славянка. Но из славян плавать сюда могут только русские. Стало быть, ты — русская?

— Я — славянка, — подтвердила Алёна, — это правда... но большего тебе, испанец, знать не надо. А то ты очень много вопросов задаёшь, да много знать хочешь.

— Что же здесь необыкновенного?

— Не забывай, что ты стоишь передо мной и моими воинами со связанными руками.

— Что ты этим хочешь сказать, женщина?

— Только то, что вы все у меня в плену, что женщина может побеждать врагов и защищать своих людей. А, значит, быть вождём племени.

— Я уже видел, как ты их защищала. Что же ты сделаешь с нами?

— Твои люди пусть идут домой в свою крепость. А ты с вакером останешься.

— Зачем? — с беспокойством спросил Лопес.

— Да ты не бойся, — успокоила его Алёна. — Я же говорила, что макома люди мирные. Так что жив будешь. Хотя мои воины и против: много горя вы, испанцы, принесли племени макома своим недавним набегом.

— Альварес, — громко сказал, почти прокричал Лопес своему сержанту. — Веди людей домой и доложи обо всём капитану Муньосу... Скажи, что я в плену у вождя племени макома.

— А ещё передай, — так же громко добавила Алёна, — что если ваш комендант задумает со своими людьми искать нас и моего пленника освободить, то он его вообще больше никогда не увидит. Так что пусть даже и не пытается. Ступайте...

Испанские солдаты со связанными за спиной руками во главе с сержантом Альваресом быстро пошли по пыльной дороге в сторону форта Сан Хосе, оставив лейтенанта Лопеса и вакера в окружении воинов макома.

Глава десятая

Комендант испанского порта Сан-Хосе капитан Пабло Муньос сидел в рабочем кабинете на втором этаже своего глинобитного дома и, как обычно, играл в шахматы с денщиком. Муньос был в хорошем расположении духа, да и как быть по-другому, коли дела в его миссии шли тоже довольно хорошо.

На полях в этой благодатной Калифорнии снимать можно два, а то и три урожая в год. Склады форта уже заполнены тысячами мешков зерна, бобов, сушеного мяса, бочонками солонины и свиного сала. И всё это, конечно, при даровой рабочей силе индейцев. Жаль только, что всем этим богатством сам комендант распорядиться не может. Всё надо везти в ближайший форт Сан-Франциско, куда заходят испанские и иностранные корабли. Но когда придут суда родной страны, того не знает никто.

Правда, ещё иногда доставляют беспокойство некоторые местные племена индейцев, чьи люди работают на плантациях форта или его скотных дворах. Но чего им роптать? Ведь он кормит индейских работников отменно. Своих же, испанских, у коменданта нет. Одни лишь солдаты для охраны и защиты форта, да и тех давно не хватает. Вот, может быть, Мадрид с очередными кораблями пришлёт воинскую помощь в Монтерей или Сан-Франциско, но достанется ли ему, Муньосу, какое-то число обещанных правительством солдат, он не был уверен определённо.

Сан-Хосе был самым северным фортом испанцев на побережье Калифорнии или Новой Испании — всего лишь в двух днях пути от Сан-Франциско, у коменданта которого был в подчинении. Главная задача форта, поставленная Мадридом: не допустить в эти места русских, уже многие годы живущих на Аляске и тамошних островах, уже спускающихся на юг по океанскому побережью, строящих там свои крепости. Слава Богу, пока такой опасности капитан Муньос не чувствовал, но знал, что русские купцы давно объединились в одну компанию и на своих компанейских судах добывают морского зверя по всему

побережью от Аляски до Южной Калифорнии и на островах Океании. Как знать, они могут и сюда прийти, а значит, надо быть готовым к таковым делам...

...Так размышлял Пабло Муньос, почти машинально переставляя на шахматной доске фигуры.

— Ты сам-то откуда, Родриго? — неожиданно спросил комендант своего денщика.

— Так откуда же и вы, сеньор капитан, — удивленно глянув на Муньоса, ответил денщик.

— Разве? Я вот, например, из Кастилии.

— А-а-а, — догадался Родриго. — А я из Валенсии.

— Скажи мне, Родриго, что у вас едят по праздникам? — опять спросил Муньос.

— Да многое, сеньор капитан. Всё разве сейчас вспомнишь.

— А ты не всё вспоминай, а только о самом лучшем праздничном вашем блюде расскажи.

— А-а, ну так это, сеньор, конечно, поэлья.

Родриго произнёс это так, будто поэлья стояла сейчас перед ним на столе.

Испанская провинция Валенсия, омываемая волнами Средиземного моря и сухопутная срединная Кастилия, хотя и находились не так уж и далеко друг от друга, но всё же отличались и обычаями, и одеждой, и нравами жителей, впрочем, от других провинций тоже. Вот почему и задал свой вопрос Пабло Муньос своему денщику.

— Ну, так расскажи, Родриго, что такое ваша поэлья.

Родриго подпер ладонью подбородок и, глядя в потолок, мечтательно стал вспоминать.

— На сковородку, сеньор капитан, кладут отварной рис, потом кусочки цыплёнка и свинины. Всё это сдабривают чесноком, луком, разными травами, затем поливают обильно оливковым маслом и жарят... Вот и всё. Просто и очень вкусно.

— А у нас в Кастилии, Родриго, часто готовят пучеро. Знакомо тебе такое блюдо?

— Нет, сеньор капитан.

— Пучеро готовят в горшочках, — также мечтательно заговорил Муньос. — В горшок кладут наперчённое мясо. Потом туда же горох, картофель и сало... И вот стоит перед тобой, Родриго, этот самый горшочек, только что снятый с огня, и источает невообразимый аромат. А рядом с ним непременно бутылочка хереса или малаги. И нет лучше в жизни минут... Так ведь, Родриго?

— Точно так, сеньор капитан.

— А какой завтра день? — опять неожиданно спросил денщика капитан.

— Не знаю, сеньор.

— А как правоверный католик, ты должен знать, что завтра день святого Иосифа, Родриго. А посему, как только мы сейчас эту партию доиграем, то пойдёшь и приведёшь ко мне старшего повара. Понял?

— Всё понял, сеньор капитан...

Но разговор их прервал неожиданно резко распахнувшая дверь в кабинет коменданта, даже не постучавшись, как обычно, дежурный офицер.

— Сеньор капитан!

— Что случилось, Гонзалес? — спросил Муньос.

— Команда лейтенанта Лопеса... вернулась с плантации.

— Ну так что? — совсем не удивился комендант. — Он и должен сейчас вернуться.

— Да, сеньор капитан... Но у всех его солдат руки связаны, а самого Лопеса с ними

вообще нет.

— Что?! — воскликнул Муньос. — Как это нет!

Капитан мигом выскочил из кабинета на крыльцо комендантского дома. Увиденное им зрелище заставило Муньоса нахмуриться и молча наблюдать, как солдатам, пришедшим с плантаций, караульные развязывали руки. Лейтенанта Лопеса и вправду среди солдат не было. Лишь его помощник, сержант Альварес, увидев коменданта, направился к нему.

— Что произошло, Альварес?

— На нас напали индейцы из засады.

— Индейцы? Какие?

— Да... Во главе с той самой белой девкой из племени макома, куда мы в прошлый раз ходили на охоту за ними.

— А где сам Лопес? Он жив?

— Был жив, сеньор. Макома взяли его и вакера в плен. А эта девка — их вождь.

— Белая женщина — вождь индейцев, — продолжал удивляться Муньос. — Такого что-то не припомню.

— Но это так, сеньор. Я сам слышал, как она говорила о том. Они освободили всех работников, забрали оружие и верховую лошадь лейтенанта Лопеса.

— И никого из вас индейцы не убили?

— Нет, сеньор. Эта девка запретила.

— Довольно странное поведение. Обычно они убивают наших столько, сколько отправили на тот совет из них мы. А в прошлый раз мы убили несколько диких.

— У нас потери были тоже, — напомнил сержант.

— Да, но это ничего не объясняет. Надо немедленно что-то предпринять... Надо послать отряд солдат и освободить Лопеса.

— Этого не нужно делать, сеньор капитан.

— Как так? — удивился Муньос. — Почему?

— Эта девка сказала нам, что если мы попытаемся искать их и освободить Лопеса, то мы никогда его не увидим.

— Вот как! Она уже диктует нам условия. Почему?

— Мне кажется, сеньор капитан, что она просто допросит лейтенанта, а потом отпустит, как отпустила нас.

— Возможно, — вынужден был согласиться Муньос. — Что же нам делать?

— Надо подождать, сеньор капитан.

— Хорошо. Будем ждать, но если Лопес утром не явится, то я пошлю разведчиков к макома и свяжусь с вождями племён, которые враждуют с ними. А вы будьте готовы к этому.

— Слушаюсь, сеньор капитан, — ответил сержант Альварес, и можно было не сомневаться в его готовности служить Испании и коменданту Муньосу.

Глава одиннадцатая

Дорогу от Тотьмы до Устюга Великого длиною в двести с лишним вёрст Иван Кусков одолел за неделю. А по зимнему бы пути на санях, да ежели ещё на перекладных с подорожной, то в три или четыре дня можно было управиться.

Но не было у него ни подорожной грамоты, ни лошадей своих, а был он просто вольным человеком с походной котомкой за плечами, в которой нёс только самое необходимое по вся дни в дороге.

Сговорился Иван идти в Устюг с давним своим знакомцем Евдокимом Токаревым — приказчиком Тотемского купца Тимофея Кузьмина, который вёз на Прокопьевскую ярмарку целую подводу кожевенного товару.

С ним и держался Иван все эти дни дороги.

Ехали они не одни, а целым обозом. Везли тотьмичи на ярмарку товар разный: верёвки бечевые для тяги по воде речных судов, толстые якорные канаты, вожжи, дратву, пряжу. Иные загрузили свои телеги мешками с шерстью, хмелем, солью и прочим ходовым на ярмарке товаром.

Через Камчуг и Брусенец, через Бобровский ям, что в ста верстах от Устюга, где Сухона течёт меж высоких, как горы, берегов, через дремучие леса и ясные поляны, солнечным июльским утром пришёл в Великий Устюг тотемский обоз к самому началу ярмарки, когда торговые гости из ближних и дальних губерний всё ещё съезжались в город, являли в таможене свой товар, платили за него пошлину, а также деньги за лавку или торговое место в своём ряду, в каком их товару быть положено.

Тотьмичи тоже встали в очередь к таможенникам явить свой товар, а Иван Кусков, попросившись с Евдокимом и его товарищами, пошёл, как наказывал ему отец Галактион, искать его сродника в здешний Успенский храм на Соборном дворе.

Иван нынче в Устюге не в первый раз. Когда-то, будучи ещё в отрочестве он приезжал, вернее, приплывал сюда по Сухоне с отцом своим да старшим братом Митяем на их малом судёнышке-дощанике с каким-то мелочным товаром.

От той поездки остались в памяти яркие картины речной глади в разное время дня среди покрытых густым лесом берегов и незабываемое и теперь зрелище высоченных Опок — места, где Сухона несёт свои воды как бы в глубоком горном ущельи.

Да и город Устюг поразил его тогда величиной и многолюдием, своей набережной со множеством церквей и домов на ней, речных судов возле её причалов. На целых три версты растянулась та городская набережная и все, кто приплывал к Устюгу рекою, дивились необычной и дивной красотой, какая являлась перед их глазами. Одних храмов, говорят, в городе было более тридцати.

Видно совсем не зря, а от чувства любви ещё в стародавние времена сложили устюжане про свой город то ли песню, то ли приговорку:

Подъте, подъте все окрестны горожане,
Холмогоры, Вятчане и вы, Вологжане!
Взгляните, завистники, на сей город глазами!
Подивитесь ему и признайтесь сами,
Что нет такой красоты у вас в градах ваших,
Как Устюг веселит сердца граждан наших!

Иван знал, что и в те далёкие времена стоял град Устюг на перекрёстке многих торговых дорог. Шли к нему сухим путём и по рекам торговые люди из Москвы и Ярославля через Вологду, а потом по Сухоне до слияния её с Юг-рекою, а от него Северной Двиной, родившейся от этого слияния, в Беломорье до Архангельского города и далее в заморские страны.

Через Устюг шла дорога и в Сибирь, а к нему тянулись пути из Вятки, Казани, Костромы, Галича Мерьского, многих волжских городов.

Говорят, что торговать в Устюг или меняться товарами приезжали купцы голландские, шведские, английские, норвежские. То место, где они жили, и сейчас зовётся немецкой слободой на Немчиновом ручье. Вот тогда-то, видно, и стали называть сей город Устюг Великим...

...Успенский храм Иван нашёл скоро. Он отличался от других на Соборном дворе своими золочёными крестами на всех пяти его главах, огромностью и был, по рассказам отца Галактиона, одним из самых древних храмов города. В этом же соборе, только тогда деревянном, начинал свою святую жизнь преподобный Стефан Пермский.

Сейчас, когда в храм зашёл Иван Кусков, служили обедню, и он успел ещё помолиться да возблагодарить Господа за благополучный путь от Тотьмы до Устюга, приложиться к чудотворной иконе Божией Матери, увешанной драгоценными камнями в благодарность Путеводительнице и Спасительнице грешных, болящих, недужных, путешествующих и попросить её молитвенной помощи в своем хождении в сибирскую сторону.

Отца Алексея показала Ивану Кускову одна пожилая прихожанка, когда молящиеся стали подходить ко кресту, который отец Алексей подносил каждому для лобзания. А когда на этом служба закончилась, и отец Алексей, разоблачившись в алтаре, остался в простой чёрной рясе, Иван подошёл к батюшке под благословение и, представившись, подал ему перевязанную тонкой тесёмкой грамотку, которую дал для своего сродника отец Галактион.

Отец Алексей прочёл письмо и пригласил гостя идти за ним. Иван заметил, что отец Алексей был намного моложе отца Галактиона, но лицом своим очень походил на того: те же светлые волосы, такая же небольшая русая бородка и синие, не по возрасту мудрые глаза.

— Как там в Тотьме мой дядюшка отче Галактион поживает? — спросил отец Алексей, когда они вышли из собора и направились к низенькой избёнке с маленькими решетчатыми слюдяными оконцами, стоящей в ряд с такими же домишками напротив храма.

— А всё слава Богу, отец Алексей. Он лишь просил кланяться тебе и твоей матушке.

— Спаси Господи, брат Иван. В грамоте отца Галактиона писано о тебе только. А не собирался ли он к нам сюда побывать на родину свою?

— Того не ведаю, отец Алексей. Но слышал я от него много хороших слов о его родных здешних местах и о городе сем — Устюге Великом. А собирался он будто бы навестить могилки родителей своих, но когда — того не ведаю.

— Обычаем у него бывать здесь на Успенье Пресвятой Богородицы. Даст Бог, и в этот раз приплывёт по Сухоне. Отец Галактион любит сей храм. Он ведь при нём и вырос.

Батюшка его, а мой дед Василий был тут протоиереем и знатным иконописцем. Здесь у храма родители его и лежат в вечном покое... А в жизнь монашескую он ещё раньше ушёл, отроком.

В избе их встретила матушка Елизавета, как представил её гостю отец Алексей. Она, кажется, была ещё моложе своего супруга, хотя покрывавший её голову и подвязанный под подбородком тёмный платок почти скрывал лицо. И только глаза молодой матушки смотрели на гостя скромно и ласково.

— Лизонька, — сказал отец Алексей, — сотвори нам с гостем нашим Иваном что-нибудь потрапезовать. Он с дальней дороги из самой Тотьмы пришёл и поклон принёс нам от сродника нашего отца Галактиона. Далее путь его лежит в сибирскую сторону. Вот и поживёт у нас, пока okazji на ярмарке не сыщёт.

— У меня и так всё готово, отче, — ответила матушка Елизавета и перед тем, как стала собирать на стол, поклонилась гостю. — Милости просим.

А пока матушка готовила трапезу, отец Алексей продолжал разговор с гостем.

— Стало быть, брат Иван, ты хочешь добраться до самого Иркутска?

— Да, отче... Так надобно мне...

— Ну, раз надо, то с Божией помощью и доберёшься. Правда, на скорую дорогу не рассчитывай. Она будет долгой.

— Да я об этом знаю. Может где-то наверняка и перезимовать придётся на пути моём в Иркутск.

— Это так... На нашу Прокопьевскую ярмарку летом приезжает не так и много торговых людей с той стороны сибирской, а особенно из-за Камня. Они сюда всё больше норвят на пушные ярмарки да торжки, какие бывают здесь по поздней осени и особенно зимой.

— Сие мне ведомо, но зимнего пути ждать резону у меня нет. Так уж всё сложилось.

— Понимаю, брат Иван. Походишь ты сегодня-завтра по торговищу ярмарочному, посмотришь, поговоришь с кем надо, да, глядишь, найдёшь себе попутчика. С ним и сговоришься. Из самого Иркутска ты вряд ли кого встретишь, но вот из Тобольска или Койгородка люди на летней ярмарке бывают.

— Сегодня же пойду искать тех людей.

— После трапезы отдохнёшь в горенке, где жить у нас будешь, пока дело не сделаешь, а после вечерней службы мы ещё с тобой потолкуем.

— Я не только ярмарку, но и город хочу посмотреть. Давно не бывал тут.

— Вот тогда и расскажешь мне, как походишь, и у меня тоже найдётся что тебе рассказать... Ну, а теперь помолимся перед трапезой...

После краткого послеобеденного отдыха Иван Кусков вышел на Соборное дворище и направился к берегу Сухоны. Народу на улицах города было много, но, выйдя на набережную, Иван ещё больше поразился суетой на волнах широкой реки. В разные стороны вдоль и поперёк её русла сновали десятки разных лодок, барок, насадов, дошаников, больших и малых, с парусами на невысоких мачтах и без парусов с гребцами. У береговых причалов теснилось множество судов, с которых грузчики и судовые ярыжки сносили по сходням товар в мешках, кипах и тюках, нагружая стоящие тут же подводы, а извозчики везли всё это добро к таможене да ярмарочным лавкам.

Подняв глаза от реки, Иван невольно залюбовался самой набережной, где увидел, как и прежде, много церквей. Разные по своей величине и убранству, они придавали берегу

Сухоны какую-то особую красоту, а со стороны реки были несомненно истинным ликом Устюга.

Иван прошёлся вдоль набережной мимо Успенского, Прокопия Праведного, Иоанна Устюжского соборов, мимо Рождественской, Никольской, Варваринской, Покровской, Варлаамской, Преображенской и Сретенской церквей, любуясь ими, восхищаясь трудами рук человеческих, построивших все эти чудные Божии храмы. И он отметил, что такого в его родной Тотме не было, да и быть не могло. Не из-за людей, конечно, таких же добрых и работающих, а из-за того места, где расположился Устюг у слияния больших рек Сухоны и Юга и у границ многих русских земель, кои тянулись к Устюгу Великому своими путями-дорогами...

...Погуляв по улицам и переулкам воистину огромного города, Иван Кусков вышел на главную его Богословскую площадь с её таможенной и съезжей избами, избой земских судей, гостиним двором с домами для иногородних торговцев, с амбарами и лавками рядом с ними.

Но самыми главными на этой площади были торговые ряды, где уже шумела, кричала, смеялась, негодовала и пела знаменитая на всю Россию Прокопьевская ярмарка.

Несколько торговых рядов насчитал Иван на Богословской площади: мясной и хмелевой, серебряный, хлебный, харчевный и сапожный, кожевенный и рыбный, да ряд Большой площадный, а лавок тут, у которых толпился и горланил народ и не отстающие от него лавочные сидельцы, сосчитать и вовсе было невозможно. А товару всякого — и своего, устюжского, и привозного, было тут видимо-невидимо.

Вот в кожевенном ряду сапожные швецы присматривают, выбирают, щупают руками сыромятные и дублёные кожи на сапоги, поршни, коты, башмаки, конскую сбрую: гужи, шлеи, подпруги.

В кузнечном ряду свой товар и свой покупатель у лавочных сидельцев, которые предлагают им железные крицы, выплавленные в самодельных домницах, кованые судовые и плотницкие гвозди, огнива, светцы-лучевники, скобы, подковы, топоры, замки висячие и нутряные, ключи и прочий железный товар.

В Большом площадном ряду торговали устюжане разным мелочным товаром: шапочники — шапками, портные швецы рубашками, штанами, холщевыми ширинками, сермягами, кафтанами, епанчами, рукавицами, сетями неводными.

А вон в харчевном ряду молодой и пока ещё безбородый удалец-продавец громко крича, зазывал к себе проходивший тут народ: «Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съест, тот и молодец! У нас один молодец съел тридцать три пирога с пирогом и все с творогом! А как шапка свалилась, по земле покатилась, до реки пихал ногой, а вошёл в воду и почуял: что-то лопнуло. Не брюхо ли лопнуло, подумал. Глядит: брюхо цело — ремень лопнул! Заходите и вы наших пирогов отведать! С творогом, капустой, с рыбой заморской, с грибами и ягодой-черникой! Квас попить, пирогом заедать! Брюхо лопнет — наплевать: под рубахой не видать!»

Тут же меж рядов и лавок ловко сновали торговцы-лотошники. Они тоже громко предлагали свой мелкий товар: пряники, витушки, соль, пуговицы оловянные, зеркальца, свечи, воск, гребни костяные и деревянные... Да разве можно перечислить всё, что торговцы разложили перед народом устюжским и приезжим людом в этот праздничный для всех ярмарочный июльский день...

Находившись в рядах, насмотревшись на товары и людей главной торговой площади,

Иван Кусков не пошёл на другие, Вознесенскую и Варваринскую, а направился на Гостиный двор, где жили в эти ярмарочные дни иногородние гости Устюга и вели торговлю тут же.

Из беломорских городов первые гости здесь издавна холмогорские. Обычаем они приплывают на ярмарку на своих судах. А для продажи везут свежую, солёную и ветряную рыбу: палтуса, треску, сёмгу. В чести у покупателей и оленина солёная, и олени шкуры, и особенно любимая устюжанами холмогорская морошка.

В лавках костромичей и галичан лучшее в России мыло, лыко, самодельное железо в крицах, кожи красные и белые, холсты крашенные, лён на пряжу, а у торговцев с Вятки деревянная посуда: блюда, плошки, липовые чаши, ложки, черпаки, сита, решёта.

Множество народа толпится у лавок купцов из Казани. Они приезжают на Прокопьевскую ярмарку всегда с восточными товарами. У казанцев всегда бывает полно китайского шёлка, чёрного и цветного, тяжёлого турецкого бархата, китайских же легких тканей с вышивкой на них каких-нибудь диковинных птиц с длинными и яркими хвостами, а из мелочного товара в ходу на ярмарке казанские румяна и белила для устюжских девок и молодух.

Говорили, что на ярмарке в Устюге бывают гости торговые и из самой Москвы-матушки, но сегодня Иван увидел только одну лавку москвичей, которые торговали воском, свечами, печатными книгами учебными — псалтырями и часословами, минеями месячными, чернильницами да писчею бумагою. А, зазывая покупателей, лавочник тоже возглашал громко: «Подходи к нам — москвичам. Ведь Москва всем городам мать! Матушка-Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая, книжная и мудрая»...

Походя ещё немного по Гостиному двору, Иван так и не нашёл того, чего искал: торговых людей из Сибири пока не было. Встретил, правда, гостей из Сольвычегодска, да из Койгорода, но это было не то, на что он рассчитывал. Надо было подождать: ведь ярмарка ещё только начиналась. С этой мыслью он пошёл на вечернюю службу в Успенский собор, а потом в избе священника за самоваром был у них с отцом Алексеем разговор о сегодняшнем ярмарочном дне Ивана.

— Жалко что я пока никого из сибирской стороны не нашёл. Больно ярмарка велика, — в котрый уже раз сокрущённо молвил Иван.

— Ещё встретишь. Из Тобольска люди тут у нас гости частые. Их завтра спрашивай. Ярмарка велика, ты говоришь... А вот старики сказывают, что раньше она ещё больше была, многолюднее.

— Ещё больше? — удивился Иван.

— Да... Когда наша русская торговля с англичанами и голландцами, да шведами через Архангельск бывала. Тогда приезжали к нам в Устюг заморские купцы со своими товарами. А потом, когда Петербург построили, то через него торговля заморская пошла, а у нас только название Немецкой слободы осталось. Тогда ведь к нам со всей России торговать ездили? Со всех волжских городов и даже из Астрахани, с Украины тоже, с Новгорода Великого, Калуги, Рязани, Воронежа, а уж из Москвы, так то само собой.

— А я вот сегодня узрел, что из Москвы на Гостином дворе лавок-то нынче немного, — заметил Иван.

— Ну, тут дива нет никакого. Москвичи обычаем приезжают через Вологду зимой и с товарами немногими, а все больше с деньгами. Здесь на зимнем пушном торгу они целыми возами закупают сибирские меха, увозят в Москву, потом в разные страны.

— Да, у нас в Тотье такого не увидишь.

— Что и говорить. Ваш город купеческий. Тотьмичей здесь у нас на каждой ярмарке полно. Город наш, хоть и своих купцов много имеет, а слывет издавна городом землепроходцев и мореходов. Всё потому, что устюжане давно славятся как удалыцы-молодцы.

— Мне о том говаривал отец Галактион, — подтвердил Иван.

— Немудрено, что он много знает из истории города нашего. Ведь в Успенском храме едва ли не с начала его ведётся летословец. Он и теперь у нас в древлехранилище. Я читал его, и там всё об Устюге и устюжанах описано погодно.

— Мне любопытно было бы послушать о сем, отец Алексей... О землепроходцах особенно...

— Тогда слушай... Во времена, когда Русь разделена была, — начал свой рассказ отец Алексей, — то Устюгом Москва владела. Это ещё при Дмитрие Ивановиче Донском было. С ним устюжане на Куликовом поле были, а потом он рать устюжан в поход против Новгорода Великого водил. Ведь рядом с Устюгом новгородцы землёй по Двине владели, а кругом Пермь Великая, ханы сибирские, вятчане, болгары волжские и камские. Москва же с ними со всеми воевала. А устюжане с вологжанами первыми в московской рати всегда на врагов шли.

— И с кем воевали?

— Вот со всеми этими соседями и воевали. Только при Иване Третьем устюжане ходили в военные походы шестнадцать раз на болгар, татар казанских, черемис да сибирских ханов. А однажды ходили даже воевать шведских немцев по Двине, по морю Белому и через Мурманский Нос... Правда, и Устюг не один раз сжигали охочие рати новгородцев, татар казанских, болгар, отряды вятских людей... Но зато Пермь Великая, Югорская земля и вся Сибирь, Вятка, Двинские земли, сам Великий Новгород, Казань к нашей русской земле присоединены были, а Русь единой стала. Так что в этом благом деле большая доля устюжан.

— А мореходы откуда в Устюге взялись? Отсюда и до моря-то далеко.

— А всё началось, видно, с этих боевых походов в дальние страны. Наши люди за Камень ещё задолго до Ермака ходили. А после него таких ходок великое множество было. Возьми сперва хоть Семёна Дежнёва и его сотоварища — устюжанина же Федота Попова. Один открыл пролив между нашей землей и Америкой, другой до Камчатки добрался. А устюжанин Ерофей Хабаров сперва на реке Лене промышлял, потом на реку Амур пробрался. Заметь, Иван, они не просто новые земли открывали, но описывали их и к России присоединяли. Вот как Атласов, к примеру. Он тоже родом из Устюга. Служил же в Анадыре в казаках. Потом двинулся на Камчатку. Всю её прошёл и описал камчатскую землю от края до края. От него узнали в России о Курильских островах и Японии, а Камчатка присоединилась к русским землям. Мореход-устюжанин Афанасий Бахов первым их русских со своими товарищами зрил берег американский. Василия Шилова сама императрица Екатерина Великая наградила золотой медалью за описание Алеутских островов... А мореходы Василий Поярков, Михайло Стадухин, Василий Гусельников по прозвищу Скорая Запись... Да разве всех перечислишь... Впрочем, устюжане и ныне бороздят на своих компанейских судах волны Великого океана от Камчатки и до самой Америки.

— Да и тотьмичи тоже.

— И тотьмичи, и вологжане, — согласился отец Алексей, — и каргопольцы, и лальцы, и сольвычегодцы, да мало ли ещё кто. Сибирь велика. Все они там свои суда имеют и промыслом морских зверей заняты. Дело их сие во славу Божию и на пользу Отечеству...

...Долго в эту ночь в своей горенке не мог уснуть Иван Кусков от всего увиденного и услышанного им за день сегодняшний.

Многие думы навеялись в его голове от рассказа отца Алексея о делах и подвигах устюжских мореходов. Правда, кое-что ему поведал ещё в Тотьме отец Галактион. Он тогда же подумал: почему город Устюг, почти сухопутный, стоящий лишь на берегу хоть и большой, но всё же реки, стал чуть ли не столицей русских мореходов, первооткрывателей новых земель на таких далёких от их родины берегах Великого океана.

Почему устюжане были такими непоседами? Что их заставляло бросать родной дом и идти в неведомые края, совсем не зная, что из этой затеи получится? Никто же не может знать, что будет вон за той рекой, или горой, вон за тем небоскатом, где каждое утро встаёт солнце?

Так что же они хотели? Славы? Но она могла и не прийти, а если приходила, то многие ли о ней знали? Нет, не ради славы и личного блага шли землепроходцы «встречь солнцу».

А может быть они искали в тех краях Беловодское царство, где все жили вольно и свободно, где не было ни начальников, ни судей, ни сборщиков налогов, ни надзирателей, ни тюрем, а была между людьми только любовь? Но в такой земной рай вряд ли они верили и искали его.

Стало быть, прав был отец Алексей. Шли землепроходцы ради познания неведомого, а дела свои вершили ради пользы и блага Отечества, ради умножения его земель и народа российского... Иван с удивлением отметил, что и ему тоже хочется узнать что-то неведомое, быть похожим на таких же мореходов и землепроходцев, а в будущем самому открыть какую-нибудь землю в тех неведомых краях... С этой мыслью Иван и уснул, а другим утром он опять отправился на шумную, говорливую ярмарку, каковою в эти первые июльские дни жил весь Великий Устюг. И на этот раз ему повезло.

В одной из лавок того же Гостиного двора, вчера ещё никем не занятой, встретил Иван и познакомился с торговым человеком из Тобольска Степаном Лукичем Шергиным. Да к тому же приказчиком тотемского купца Артемия Ивановича Ряшкина, который давно обосновался в Тобольске, а оттуда со своими сыновьями вёл торговые дела по сибирским городам на ярмарках и торжках разными товарами.

— Что-то я вчера тут никого из сибирских городов не встретил. Только из Койгорода прибыли.

— А мы запозднились по дороге, да на таможне долго своей очереди ждали. А когда товар в амбар убрали, то я своих земляков тут встретил — холмогорцев, я ведь сам-то из Архангельского города. Так и сидели за полночь, разговоры вели. Приятно было родину свою вспомнить, да и польза была... Я им свой товар сговорил продать: бруски да точила, меха разные, перец турецкий, чай китайский, а они мне слюду на окончины, гужи моржовые, кипы хмеля.

Оказалось, что новый знакомец Степан Шергин и сам был купцом, но торговли своей пока не имел.

— А пошто тебе, брат, сибирские купцы, коли ты их ищешь?

— А хочу эту страну сибирскую повидать, да может, своё дело найду. Ведь там много теперь наших — вологжан, тотьмичей, устюжан.

— Да, почитай, в каждом городе один или два торговых человека из здешних мест родом всяко найдутся, — согласился Степан.

— Вот и я говорю. А дойти мне надобно до самого Иркутска.

— Да, в большую дорогу ты собрался, Иван. До Иркутска путь долог.

— А я не спешу. Где надо, там останавливаться, али зимовать буду. Ты только, Степан Лукич, мне до Тобольска помощи добраться. Сговоримся?

— Сговоримся, что не сговориться. Бывали не раз такие попутчики со мной в ту сторону. Да я и сам так когда-то туда ушёл. Правда, по зимнему пути. А сейчас даже до Тобольска путь долог.

— Ничего, выдюжу... А незнакомая дорога меня всегда манит. Только, ежели в Тобольске зимовать останусь, то работу искать придётся.

— Ну это дело нехитрое. Тот же Алексей Иванович Ряшкин помочь может. Земляк ведь.

— Так значит по рукам, — сказал Иван с надеждой.

— По рукам, — согласился Степан, отвечая на пожатие. — Только я ведь не завтра поеду, а пока свой товар не продам и новый не закуплю.

— Я понимаю и думаю, что могу помочь тебе подходящий товар тут искать. Только скажи, что ты желаешь взять, — предложил Кусков.

— Возьму льну для пряжи кип несколько, бечевы судовые, овчины и полсти, мыла, судовые гвозди, сети неводные, да деревянной посуды воз, — загибая пальцы, говорил Шергин. — У меня три подводы с возчиками... Лавочного сидельца я здесь нанял.

— Я знаю, — сказал ему Иван, — что из Вологды привезены сюда бечевы судовые, пряжа и холсты, сети неводные, ложки, блюда деревянные, да всякая такая утварь. Могу с ними хоть сейчас договориться. Кое-что у своих тотьмичей посмотрю.

— Иди тогда сговаривайся... Поприценяйся, а потом мне поведаешь. Я же тут, на Гостином дворе, у ярославцев к медной посуде приценюсь, у костромичей надо мыла взять, да заказ у меня на медную же ендову и воск есть. Ну ещё кое о чём подумаю...

На том и порешили.

А через каких-нибудь два дня, когда некоторые иногородние гости ярмарки начали разъезжаться по домам или по другим ярмаркам да торжкам, погрузил на свои подводы весь намеченный к вывозу в Тобольск товар и Степан Шергин со своими людьми.

— А вот судовых гвоздей только одну тысячу взял, — сказал он Ивану, помогавшему тобольцам при погрузке. — Везти их много легче по санному пути. Но зато хоть заказ сделал местным кузнецам на четыре тысячи штук. Даст Бог, на зимнюю пушную ярмарку приеду и заберу. Так что можем прямо сейчас в путь отправляться.

— Перед дорогой, Степан Лукич, надо бы в храм зайти, да помолиться, — предложил Кусков.

— Это само собой, — кивнул Шергин.

— Тогда пошли в Успенский храм. Там отец Алексей, у которого я на постое, благословит нас и молебен отслужит на дальнюю дорогу.

Предупреждённый ещё накануне вечером, отец Алексей ждал сибиряков в соборе и, отслужив молебен для путешествующих, благословил и напутствовал каждого.

Поблагодарив отца Алексея за приют, попросив его молиться о нём и его спутниках, Иван Кусков закинул котомку на телегу и обоз тобольцев из четырёх подвод, нагруженных ярмарочным товаром, двинулся на выезд из города.

Только об одном спросил Иван Степана Шергина, когда их обоз выехал на

сольвычегодскую дорогу.

— А что не через Лальск, Степан Лукич? Говорят, что там путь до Койгорода короче.

— Короче-то короче, — согласился Шергин, — но летом туда дорога худа. А по Бабиновской дороге через Сольвычегодск уже лет двести в Сибирь ходят. Она пока, так сказать, казённая, государева, на ней и гати мостят, переправы содержат, на почтовых станциях лошадей меняют, ежели у кого подорожные есть до любого города, хоть до нашего Тобольска. Но этот сказ не про нас. Мы деньги за лошадей должны платить будем. Так что, Господи, благослови, — сказал Шергин и, перекрестившись, дал команду возчикам продолжить путь.

Глава двенадцатая

— Завяжите испанцам глаза, — приказала Алёна своим тёмнокожим воинам, когда солдаты Лопеса скрылись за поворотом дороги с высокой травой и кустарником по обе её стороны.

— А зачем это делать, белая женщина? Если ты решила меня лишить жизни, то я хотел бы при этом стоять с открытыми глазами, — неожиданно твёрдо произнёс Лопес.

— Твои слова достойны настоящего мужчины, испанец, — улыбнулась Алёна. — Но я уже сказала, что мы, макома, никого убивать не собираемся, тем более безоружных людей, да ещё и пленных. Твоей жизни сейчас ничего не угрожает, хотя с этим согласны не все мои воины, ибо вы, испанцы форта Сан-Хосе, много зла принесли моему племени... Помнишь ли ты последний ваш набег на нашу деревню?

— Уж не хочешь ли ты, женщина, вести нас в ту свою деревню на суд твоих подданных? — спросил Лопес, когда на голову его и вакера надели какие-то кожаные колпаки шерстью наружу.

— Да нет, испанец. Хотя отвечать вам когда-то придется за всё... Всему свой час. Суда земного и Божьего каждый дождётся. А глаза вам завязали, чтобы вы не видели, куда мы отсюда пойдём.

Алёна взмахом руки приказала воинам перейти через дорогу и идти в противную сторону.

— А что толку, что мы не увидим или увидим, куда вы уйдёте. В такой траве разве найдёшь следы ваши.

— Бережёного Бог бережёт... Мы знаем, что у вас есть свои следопыты. Знаем и то, с какими нашими врагами из здешних племён вы дружите. Но сразу хочу тебе сказать, испанец, чтобы вы не пытались нас искать. От этого хуже будет только вам.

Все эти слова Алёна говорила Лопесу, пока её воины не остановились по знаку вождя у одной из стоящих недалеко от дороги сосны-чаги и повелела снять колпаки с голов пленников.

— Вот теперь мы тут и поговорим ещё немного, испанец. Садись, — предложила Алёна и первая села, прислоняясь к стволу сосны.

— Почему ты меня зовёшь только испанцем? Я лейтенант Лопес, Альберто Лопес — моё полное имя.

— Хоть ты и офицер, но много будет чести, чтобы я — вождь племени макома называла тебя по имени. Ужели знакомство со мной ближе иметь хочешь? — засмеялась Алёна.

— А почему бы и нет? — серьёзно сказал Лопес. — ты женщина красивая, да к тому же белая, а я, как видишь, тоже белый.

— На вид-то ты белый, но душа у тебя чёрная, испанец. А посмотри на моих мужчин, — и Алёна повела рукой в сторону стоявших рядом воинов. — Они темнее телом, но души их светлые и чистые, ибо живут они на своей земле, которую им Бог даровал.

— Это земля испанской короны, мы ею владеем.

— Была бы ваша, ежели дарована, али куплена. Но земля эта вами захвачена. Вы прошли по этой земле с мечом и огнём, а называете себя христианами. Разве не так?

— Да, мы — христине, — кивнул Лопес.

— Но как можно называть себя христианами, а Божии заповеди нарушать? «Не убий», а

вы убиваете, кого хотите. «Не укради», а вы крадете и землю и людей. «Не прелюбодействуй», а вы насилуете жён и девушек местных.

— Кто ты, женщина?! — опять воскликнул Лопес.

— Обо мне тебе всё сказано. Зачем повторять.

— Так что же ты хочешь от меня?

— Я тебя уже спрашивала... Помнишь ли ты последний ваш набег на деревню макома?

— Конечно, помню. Тогда я впервые там тебя увидел. Ты убила троих наших солдат.

— Мы защищались, а вы напали на мирных и безоружных людей. Зачем?

— Нам нужны были работники на плантациях.

— Так работайте сами на ваших полях.

— У нас нет столько людей.

— Тогда берите тех, кто пойдёт к вам доброй волей.

— Таких почти нет. Они все быстро разбегаются.

— Для вольных индейцев работа у вас тяжела, да ещё под надзором солдат. Это труд рабов, а не вольных людей, коими они родились. А вы их даже на ночь запираете в сараи, как скот. Не так ли?

— Это делается для того, чтобы они не убежали.

— Из форта с его высокими стенами или через ворота, где стоят караульные солдаты? Ты нам сказки не рассказывай, испанец. Всё это вы делаете потому, что индейцев вы за людей не считаете. Вот почему мы говорим с тобой на разных языках.

— Но разве я один виноват в том, в чём ты сейчас нас обвиняешь?

— Конечно, не один. Ты виноват вместе со всеми... Нам с тобой никогда не сговориться. А по сему ты пойдёшь сейчас в крепость и передашь своему коменданту, что если ваши набеги на нас или другие племена будут продолжаться, то мы объявим вам войну. И тогда посмотрим — чья возьмёт. Уразумел, испанец? Ясно сказала?

— Ясно, — согласился Лопес. — Чего тут не понять.

— Тогда ступай домой и помни о том, что я тебе говорила, — сказала Алёна, поднимаясь с земли.

Она приказала своим воинам отвести испанцев на дорогу и развязать им руки, а когда Лопеса собирались уводить, подошла к нему.

— Ещё одну истину помни, испанец: «Пришедший с мечом, да от меча и погибнет». Помни.

Лейтенант Лопес ничего не ответил на эти слова Алёны и они с вакером, окружённые воинами макома, пошли к дороге.

Ещё было светло, когда Лопес постучался в ворота форта, а когда караульный отворил пешеходную калитку, лейтенант почти бегом бросился к дому коменданта.

Капитан Муньос ужинал и совсем не ожидал вот сейчас увидеть своего пропавшего офицера, а когда Лопес распахнул двери и Муньос увидел его на пороге, то капитан, радостно воскликнув, вскочил из-за стола и подбежал к лейтенанту.

— Наконец-то, Лопес!.. Ты здоров? Не ранен?

— Нет, господин капитан, я... — начал было говорить лейтенант, но комендант остановил его.

— Ничего не говори, Лопес. Давай сразу за стол, вот тебе стакан вина. Да что там вина, вот тебе стакан рому. Выпей, а потом говорить будем.